

Историческая антропология в Евразии

Д. Шорковитц

Для цитирования: Шорковитц Д. Историческая антропология в Евразии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 1114–1145.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.318>

В статье рассматриваются различные мнения и концепции исторической антропологии как инструмента познания и понимания социальных и культурных процессов. Автор уделяет пристальное внимание сложной проблеме взаимоотношений между историей и антропологией. Историческая антропология, с точки зрения автора, скорее орудие познания и понимания социальных и культурных процессов, чем сумма достижений. Занятие историей сталкивает антропологов с разными видами традиций, классифицируемыми как эмпирический и этический подходы к прошлому. Автор старается найти место антропологии среди исторических наук, рассмотреть различные методы ведения историко-антропологических исследований, с тем чтобы понять, как их можно применить для изучения Евразии. В центре внимания — историческая антропология на постсоциалистическом пространстве Евразии, в первую очередь территории бывшего СССР. Обсуждаемые подходы включают этноисторические исследования, изучение трансформации и сохранения социальной организации и культурной идентичности, межэтнических отношений, отношения между этническими меньшинствами и государством. Показано, что приукрашивание колониальной экспансии и вызванных ею трансформаций имеет давнюю традицию — глубоко укоренено в сталинской историографии. Внимательно рассмотрев многие междисциплинарные подходы и взаимоотношения в местах пересечения истории и антропологии, автор дает краткий обзор той стратегии в изучении этих проблем, которая разработана и осуществляется специальной исследовательской группой Института Макса Планка. Статья ориентирована на продолжение дискуссии по поводу задач, стоящих перед исследователями постколониального наследия многих стран Евразии. Работа исследовательской группы, с одной стороны, показывает, сколь перспективны и полезны постколониальные исследования для познания этого громадного «региона», с другой — сколь они полезны для установления добрососедских и дружеских отношений между странами, поскольку продуктивность их возможна только в тесном сотрудничестве специалистов Запада, России, СНГ и Китая.

Ключевые слова: Евразия, историческая антропология, этноистория, колониализм, постколониальные исследования.

Диттмар Шорковитц — PhD, Институт социальной антропологии им. Макса Планка, Advokatenweg 36, D-06114 Halle (Saale), Германия; schorkowitz@eth.mpg.de

Dittmar Schorkowitz — PhD, Max Planck Institute for Social Anthropology, Department: Law & Anthropology, Advokatenweg 36, D-06114 Halle (Saale); schorkowitz@eth.mpg.de

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Historical Anthropology in Eurasia

D. Schorkowitz

For citation: Schorkowitz D. Historical Anthropology in Eurasia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 3, pp. 1114–1145. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.318> (In Russian)

The article reconsiders various notions and conceptions of historical anthropology as means of enhancing our knowledge and understanding of social and cultural processes. The author pays attention to a very complex problem — interrelationship between History and Anthropology. What is Historical Anthropology? Where is its place among other historical disciplines? Why it is so important? What about its possibilities and possible drawbacks, at the same time? The article poses these and some other important questions to the scholars and suggests answers. A careful attention is devoted to Anthropology within post socialist Eurasia, and to some post-colonial legacy on this territory. Different ways of conducting historical-anthropological studies are explored in order to determine which perspectives may be applied to Eurasia. The approaches discussed include ethnohistorical research, studies of transformation and persistence of social organization and cultural identity, interethnic relations, and relations between ethnic minorities and the state. The author examines the peculiarities of continental colonialism and its difference from other forms. With respect to methodological and theoretical implications inherent in the interdisciplinary relationship between history and anthropology, a concise outline of research carried out by Max Planck Institute focus group is given. A framework is thus provided for discussing arguments that concentrate on the need to establish a new format of (post-) colonial studies adjusted to the peculiarities of this macro-region, which entails a close cooperation between ethnologists from Russia, the Commonwealth of Independent States, and China, where both disciplines have gained new significance in recent years.

Keywords: Eurasia, Historical Anthropology, Ethnohistory, colonialism, (post-) colonial studies.

Введение

Когда сэр Генри Юль в 1866 г. издавал свой фундаментальный свод средневековых описаний Китая, он руководствовался отнюдь не только всеобщим интересом к изложению географических путешествий. Он также был ведом желанием рассказать читателю об опасностях, с которыми сталкивались те, кто смело вел свои караваны из Сарая на Волге к густо населенным, богатым, обладающим высоким искусством центрам этой цивилизации¹. Путешествие купцов прошлых веков через пустыни в духе Ибн Фадлана² чем-то напоминает мои собственные попытки найти Евразию и пробиться к достоинствам и основам исторической антропологии: ведь оба термина имеют различные значения и могут завести в тупик!

¹ Yule H. Preliminary Essay on the Intercourse Between China and the Western Nations Previous to the Discovery of the Cape Route // *Cathay and the Way Thither: Being a Collection of Medieval Notices of China*. Vol. 1 / transl. and ed. by H. Yule. New Delhi, 1998 (Reprint, London, 1915). P. X.

² Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Gayhānī-Tradition (Ibn Rusta Gardizī, Hudūd al-Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī) // *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*. Bd. 54. Wiesbaden, 2001; Ibn Fadlāns Reisebericht / Hrsg. A. Z. V. Togan // *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes*. Bd. XXIV, Nr. 3. Leipzig, 1939.

Широко используемый сегодня для определения огромных массивов земель Европы и Азии гибридный термин «Евразия», без сомнения, является привлекательным, хотя в то же время и неопределенным, а потому и порождающим смутное чувство неудовлетворенности. Этот лейбл, который, очевидно, является побочным продуктом глобалистского дискурса и призван помочь уйти от евроцентризма, стал неким зонтичным термином, который грозит породить больше вопросов, чем ответов. Временами, даже перепутав с феноменом Евразийства, названием «Евразия» может обозначать или весь «двойной континент», или его части, которые находятся под перекрестным влиянием как Европы, так и Азии³.

Используя этот термин, мы также игнорируем тот факт, что значительные пространства макрорегиона являются в то же время частью других территориальных систем, например: «страны Азиатско-Тихоокеанского региона», «Атлантическое сообщество государств», «Циркумполярные культуры» и т. д. Забываем мы и о том, что части и других континентов (особенно Северная Африка) временами включаются в научные концепции (например, в физической антропологии и генетике). Вот почему я предпочитаю уточнять макрорегионы: Сибирь, Восточный Туркестан, Центральная Азия и т. д., — или использовать бинарное обозначение: Европа и Азия (как, впрочем, и история и антропология)⁴.

С моей точки зрения, историческая антропология скорее орудие познания и понимания социальных и культурных процессов, чем сумма достижений, как ее иной раз понимают. И здесь я не претендую на создание истории исторической антропологии, которая легко могла бы заполнить сотни страниц. Скорее я предлагаю попытку решения ряда проблем: что *в действительности* означает историческая антропология (и что не означает); почему она важна (по крайней мере, с моей точки зрения), каковы ее возможности, познавательные способности и возможные недостатки. Различные пути осуществления историко-антропологических и этноисторических исследований рассматриваются с целью определить, что может быть использовано в случае Евразии.

Примеры для того, чтобы показать не только важность исследований по России, Центральной Азии и Кавказу, Китаю и Юго-Восточной Азии, но и значимость сотрудничества с этнологами этих регионов, берутся прежде всего из Русской

³ Однако если держать в голове эти его особенности и использовать со всей осторожностью, то термин — полезный инструмент для восприятия трансконтинентальных процессов. О терминологических сложностях и кратко о дискуссии см.: *Golden P.B. War and Warfare in the Pre-Çinggisid Western Steppes of Eurasia // Warfare in Inner Asian History (500–1800). Vol. 6: Handbook of Oriental Studies, Section 8. Leiden. P. 105–172.*

⁴ С этим, как мне кажется, необходимым дифференцированием согласны далеко не все из моих коллег. Крис Ханн, например, неоднократно выступал за «максимальный» вариант, говоря про Евразию как «континентальный массив» (*Eurasian landmass*) и «суперконтинент», хотя его критики не устают отмечать поверхностность такового толкования. См.: *Hann Ch.: 1) Towards a Maximally Inclusive Concept of Eurasia (Max Plank Institute for Social Anthropology Working Paper, vol. 157). Halle/Saale: Max Plank Institute for Social Anthropology, 2014. P. 2; 2) A Concept of Eurasia // Current Anthropology. 2016. Vol. 57, no. 1. P. 1–27. — Ср.: Testa A. A Utopia of Eurasia: the Uses and Abuses of a Concept — a counter-reply to Chris Hann // Anthropology of East Europe Review. 2017. Vol. 35, no. 1. P. 64–79. — См. также статью в сборнике в честь юбилея В. А. Тишкова, где Ханн предлагает «Евразийский Союз» от «Атлантического до Тихого океана», столица которого видится ему в России: Ханн К. Пределы конструктивизма в теории этничности: раздумья по поводу «Четвертой Руси» и «Второй Германии» // Антропология социальных перемен: сб. статей к 70-летию В. А. Тишкова / отв. ред. Э.-Б. Гучинова, Г. Комарова. М., 2011. С. 127.*

Азии — области моих интересов уже в течение многих лет. Новые подходы в исторической антропологии обсуждаются в свете необходимости пересмотра работ и исследовательских методов времен социализма. Доступ к полевым исследованиям, архивам и институтам во многих частях Евразии в последние годы стал свободнее, и это породило растущий интерес к изучению трансформации и устойчивости социальной организации и культурной идентичности, так же как межэтнических отношений и отношений между национальными меньшинствами и государством.

Я стараюсь доказать, что историческая антропология может играть роль связующей нити между различными традициями антропологии в Европе и Азии. Однако, полагаю, что путевая карта совместных подходов и исследовательских интересов будет перспективной во многом благодаря тому, насколько мы будем успешны в обращении к континентальной колониальной экспансии прошлого и формулировании конструктивной критики ее наследия. В заключение для более яркого представления о перспективах междисциплинарного подхода к исторической антропологии колониализма дается краткий обзор новых исследований группы по социальной антропологии Института Макса Планка, сосредоточенных на отношениях между этническими меньшинствами и государством в различных частях Евразии.

История и антропология

Итак, о чем идет речь, с какой целью и до какой степени мы должны изучать историческую антропологию? Для чего мы используем столь загадочный заголовок, если осознаем, что вряд ли есть антропология, которая не является исторической, хотя бы до некоторой степени? И если мы принимаем более широкую историческую традицию, то «к какой разновидности исторической антропологии мы стремимся?»⁵ Я бы не пошел так далеко, как Вольфганг Рейнхард, который в захватывающей статье об антропологическом повороте в исторической науке говорит с хитрецей: «...историческая антропология — это точно то, что люди делают, когда они утверждают, что делают историческую антропологию»⁶. Впрочем, если отвлечься от его легкой иронии, то видно, что Рейнхард вполне обоснованно указывает на те проблемы, с которыми сталкиваются историки, когда адаптируют антропологические подходы, и на степень произвола, который существует с антропологической точки зрения.

Однако в более общем плане есть объяснение и для параллелизма расходящихся исторических традиций в антропологии и их преемственности — это комбинация синхронного и системно ориентированного подхода, с одной стороны, и диахронического и процесса ориентированной перспективы, с другой. И это представляется необходимой предпосылкой подходов к антропологическим вопросам. По причине наличия таких комбинированных методов антропология временами характеризуется как синтетическая наука, или метанаука, которая обязана изрядной долей своего прогресса психологии, лингвистике, социологии, философии и историческим наукам. Она представляется дисциплиной, которая получила стимули-

⁵ Comaroff J., Comaroff J. *Ethnography and the Historical Imagination*. Boulder, 1992. P. 18.

⁶ Reinhard W. *Die anthropologische Wende der Geschichtswissenschaft // Anthropologische Aufbrüche: Alttestamentliche und interdisziplinäre Zugänge zur historischen Anthropologie (Forschungen zur Religion und Literatur des Alten und Neuen Testaments, Bd. 232) / Hrsg. A. Wagner. Göttingen, 2009. S. 9.*

рующие толчки от физической антропологии и теории эволюции в прошлом и от генетики и нейрофизиологии сегодня. Но чем больше появляется разнообразных дисциплин и чем больше знания аккумулируется, тем более сложной и специализированной становится эта дисциплина. Социальная антропология больше не является «социологией примитивных обществ», но высказанные когда-то Ф. Эгганом опасения — «как долго антропология может оставаться частью биологической науки, частью гуманитарной, а частью социальной»⁷ — стали теперь даже более актуальными.

Не удивительно, что даже британские классики социальной антропологии в синхронистическом функционализме видят весьма ограниченное средство, способное разве что показать каузальный принцип и работать с причинами и следствиями. Говоря об отношениях между историей и антропологией, Эванс-Причард выдвигает их на передний план в своей знаменитой Мэррет лекции, цитируя Вильяма Мэйтланда: «Снова и снова антропология стоит перед выбором — становиться историей или ничем», добавляя, что «в будущем будет поворот в сторону гуманитарных дисциплин, особенно истории, и особенно в сторону социальной истории или истории институтов культуры и идей»⁸.

Если вспомнить, что Рэдклифф-Браун отверг исторические концепции, вышедшие из-под пера диффузионистов и эволюционистов с 1920-х гг., как спекулятивные и телеологические результаты «предположительной истории»⁹, то станет ясно, что такая реабилитация истории как ведущей дисциплины могла быть только результатом рьяной полемики, которую Эванс-Причард вел «против функционализма Малиновского и натурал-сциентизма Рэдклиффа-Брауна»¹⁰. Эта реабилитация стала своего рода «интеллектуальным водоразделом»¹¹.

Делая еще шаг вперед, можем даже сказать, что история, сопровождаемая с флангов социологией и биологией, является коренником в тройке антропологии, потому что жизненная проблема в антропологии по-прежнему историческая, поскольку изучение истории остается существенным предусловием рассмотрения современных сообществ. Существование исторической антропологии уже больше не вопрос для Хельмута Петри, Александра Лопасика, Херманна Баумана и многих других в послевоенной германской антропологии, которые в поздних 1960-х преодолели радикальную критику Рэдклиффа-Брауна. Каверзный вопрос Хельмута Петри «Есть ли историческая этнология?» — для них лишь вопрос риторический¹².

⁷ *Eggan F. Social anthropology and the method of controlled comparison // American Anthropologist. Vol. 56, 1954. P. 743–744.*

⁸ *Evans-Pritchard E. E. Social anthropology: Past and present // Man. Vol. 50. No. 198, 1950. P. 123–124.*

⁹ *Thomas N. History and Anthropology // Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology / eds A. Barnard, J. Spenser. London; New York, 1996. P. 273. — Ср.: Axel B. K. Introduction: Historical Anthropology and its Vicissitudes // From the Margins: Historical Anthropology and its Futures / ed. by B. K. Axel. Durham, NC, 2002. P. 5–7, 33–34; Verdon M. The world upside down: Boas, history, evolutionism, and science // History and Anthropology. 2006. Vol. 17, no. 3. P. 185.*

¹⁰ *Hirsch E., Stewart Ch. Introduction: Etnographies of historicity // History and Anthropology. 2005. Vol. 16, no. 3. P. 268.*

¹¹ *Schnepel B. Die Dschungelkönige. Ethnohistorische Aspekte von Politik und Ritual in Südostindien // Beiträge zur Südostasienforschung. Bd. 177. Stuttgart, 1997. S. 9.*

¹² *Baumann H. Ethnologische Feldforschung und kulturhistorische Ethnologie // Historische Völkerkunde / Hrsg. C. A. Schmitz. Frankfurt am Main, 1967. S. 147–172; Lopasic A. Der historische Gedanke*

Неудивительно, что два традиционных центра, хорошо известные своими исторически ориентированными этнологическими исследованиями, были способны создать влиятельные этноисторические направления неомарксистской окраски: в Берлине — под руководством Лоуренса Крэйдера и в Вене — под руководством Вальтера Досталя. Эти центры успешно соревновались в 1970–1980-х гг. с более грубыми формами исторического материализма, которые бытовали в соседних ГДР, Чехословакии и Венгрии¹³.

Но призыв Рэдклиффа-Брауна к тому, чтобы более доказательно определить, казалось бы, очевидную ценность антропологии, не остался не услышанным. К настоящему времени (и на многие десятилетия) сравнительные методы стали необходимым инструментом социальных и исторических наук. Возвращение исторического мышления в антропологию, однако, оказывается тем эффективнее, чем лучше оно демонстрирует способность пересматривать необдуманные заключения, полученные из представленных обзоров. Уравнивание «доколониального прошлого с доисторическим и безвременным» или характеристика его как общественной формации, основанной на «гармонических и полных смысла связях»¹⁴ — обе эти версии носят априорный характер, это своего рода «абсолютное высокомерие», базирующееся на сознательно заводящей в тупик синхронной исследовательской методологии. Фактически колониальное завоевание не является нулевой точкой, с которой начинается европейское или глобальное влияние на тех, кого колонизовали — они имеют свое собственное прошлое (устное, письменное или воображаемое). Это скорее интенсивная и часто односторонняя фаза в истории взаимоотношений, которая длилась веками. Сегодня есть общее соглашение, что функциональный анализ просто служит другим целям в сравнении с исследованиями путей зависимости и что история, в свою очередь, «только один ограниченный путь наблюдения мира»¹⁵.

Держа в уме «исторический характер антропологии»¹⁶, мы немедленно задумываемся о различных формах и временах, тем более что исследовательская проблема сама определяет специфичные поля исторического исследования с разнообразными доказательными ценностями кратко-, средне- или долгосрочного теоретиче-

in der Social Anthropology // Kölner Ethnologische Mitteilungen. 1965. Vol. 4. S. 118–134; *Petri H.* Gibt es eine “Historische Ethnologie”? // Kölner Ethnologische Mitteilungen. 1965. Vol. 4. S. 181–195. Для некоторых вообще трудно найти различия между двумя дисциплинами: антропологией и историей. Это, конечно, экстремальный подход, когда надо академически позиционировать антропологию. Ср.: *Koppers W.* 1) Der historische Gedanke in Ethnologie und Prähistorie // Kultur und Sprache (Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, Bd. 9) / eds W. Koppers, R. Heine-Geldern, J. Haekel. Wien, 1952. S. 11–65; 2) Der historische Grundcharakter der Völkerkunde // Studium Generale. 1954. Bd. 7. S. 135–143.

¹³ *Gingrich A., Zips W.* Ethnohistorie und Historische Anthropologie // Ethnologie. Einführung und Überblick / eds B. Baer, H. Fisher. Berlin, 2003. S. 275. — О Л. Крэйдере см.: *Kramer F. W.* Vita activa: Lawrence Krader // Dialectik: Enzyklopädische Zeitschrift für Philosophie und Wissenschaften. Vol. 2; H. J. Sandkühler (ed.). Hamburg, 1991. S. 145–152; *Schorkowitz D.* (ed.) Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main, 1995. — О В. Достале см.: *Gingrich A., Haas S., Paleczek G., Fillitz Th.* (eds). Studies in Oriental Culture and History: Festschrift for Walter Dostal. Frankfurt am Main, 1993.

¹⁴ *Schlee G.* Historische Ethnologie // Handbuch der Ethnologie (Festschrift für Ulla Johansen); Th. Schweizer, M. Schweizer & W. Kokot (eds). Berlin, 1993. S. 442. — Ср.: *Bloch M.* The Ethnohistory of Madagascar // Ethnohistory. 2001. Vol. 48, no. 1–2. P. 294–295.

¹⁵ *Hirsch E., Steward Ch.* Introduction: Ethnographies of historicity. P. 265.

¹⁶ *Schlee G.* Historische Ethnologie. P. 442.

ского уровня. История, используемая как культурная легитимация для настоящего (культура памяти), может вести нас полностью в другом направлении в сравнении с исследованием, которое концентрируется на нынешней культуре как на результате исторического процесса (культурная история). Возникают значительные различия в исследованиях: когда участник наблюдения ограничен жизненным опытом информантов той же возрастной когорты, или когда дает мнение трех поколений больших семей, когда культурная память анализируется изучением устной истории и литературы, или когда архивные и исторические документы используются, чтобы конструировать или пересматривать этнографические и этноисторические отчеты¹⁷. Следуя за изменением в идеологических парадигмах, имеющих место во многих постсоциалистических странах, политика идентичности начинает ориентироваться на «повторное изобретение памяти и истории»¹⁸, что стимулирует наши исследования старых и новых механизмов социального исключения, этнизаии и национального строительства. И последние ностальгические практики, как, например, *Остальгия* — термин-парафраз социокультурной формы противодействия, которая является вызовом западной форме развития — возникла в Центральной Европе и ее семиотика может быть понята только после того, как мы ее декодируем с помощью синхроническо-диахронического прочтения через историко-антропологические линзы¹⁹. Во всех этих случаях история в игре, хотя с разной степенью интенсивности, протяженности и очевидности.

Занятие историей сталкивает антропологов с разными видами традиций, классифицируемыми как эмический и этический подходы к прошлому. Эмический становится полным смыслом описанием с точки зрения индивидуума внутри данной культуры, в то время как этический подход имеет отношение к наблюдателям снаружи, выступая якобы в культурно нейтральной позиции. Антропологи, таким образом, в той же ситуации, что и историки, чей анализ должен разделить и сравнить между собой так называемые историю «снизу» и историю «сверху». И те и другие озабочены одинаковыми эвристическими проблемами: с одной стороны, они сталкиваются с различным и соревновательным содержанием «внутренних» источников, часто отягченных изначальными, этноцентрическими и исконными версиями, представляющими этногенез, космогонию и значение изучаемой группы. С другой стороны, все они имеют дело с «внешними» источниками с их синтезом, берущим начало из гегемонистского строя знания и стереотипного восприятия. Чтобы решить эту дилемму, мы должны анализировать материал с разных сторон. Это вполне очевидное предложение, которое подтвердилось недавно в очередной раз при анализе восстания народа хуэй (хуэй-цзу) в конце XIX в. в Восточном Туркестане.

¹⁷ О дебатах касательно многочисленных антропологических времен см.: *Hann Ch.* Anthropology's Multiple Temporalities and its Future in Central and Eastern Europe: A Debate // Max Plank Institute for Social Anthropology Working Paper. 2007. Vol. 90. P. 4–5; *Kalb D.* The Path to the Post-Colony: Why Folklore Won't Save Us // Max Plank Institute... P. 22–28; *Scheffel D. Z.* The Past and the Future of Anthropology in East-Central Europe: Comments on Chris Hann's Vision // Max Plank Institute... P. 33–36; *Skalnik P.* My Preference Lies with Social Anthropology // *Ibid.* P. 36–38.

¹⁸ *Rethmann P.* "Chto Delat": Ethnography in the post-Soviet cultural context // *American Anthropologist.* 1997. Vol. 99, no. 4. P. 772.

¹⁹ *Battaglia D.* On Practical Nostalgia: Self-Prospecting among Urban Trobrianders // *Rhetorics of Self-Making* / ed. by D. Battaglia. Berkeley, CA, 1995. P. 77; *Gallinat A.* Intense paradoxes of memory: researching moral questions about remembering the socialist past // *History and Anthropology.* 2009. Vol. 20, no. 2. P. 184–185.

Здесь различные нарративы пересеклись: государственно-центристская позиция концентрируется на восстании против династии Цин (Маньчжурская), пренебрегая при этом «мародерством, зверством и резней», осуществляемыми мятежными войсками хуэй. Местные традиции богаты как раз описанием этих последних событий, монгольские хроники подчеркивают «мужество восставших хуэй, с которыми монгольские армии сражаются», даже описывая «разгром восстания в относительно нейтральной и объективной манере». Наконец, совершенно отличная от других традиция хуэй упор делает на «религиозную мотивацию восстания»²⁰.

Г. Шлее предложил рассматривать «эмическую концепцию» истории отдельно от этической и, при отсутствии лучших альтернатив, принять такой подход, как эквивалент тому, что известно как этноистория в университетах Вены, Дюка и где-либо еще²¹. По моему мнению, это возможный подход и с Х. Нахтигалем надлежит согласиться, когда он выступает в пользу «этнологии как национальной историографии»²². С методологической точки зрения, однако, отношусь к сомневающимся просто потому, что мы не можем извлечь историческую правду из одной туземной, местной традиции даже при интенсивном сравнении. Для полноты картины мы также нуждаемся в информации со стороны, чтобы делать необходимые коррективы и поправки к эмическим нарративам, ведомые благовидной селекцией добавочных источников, будь это путевые заметки, рассказы миссионеров, официальные документы, сравнительно-историческая лингвистика или археологические памятники. Вдобавок понятие этноистории в последние годы изменилось под влиянием транснациональных и транскультурных подходов и избавилось «от тесных уз этнической истории»²³. Каждая хорошо информированная этноистория должна получать знания с обеих сторон и корректно реконструировать образы прошлого.

Однако ничего плохого в концепции этноистории нет, хотя временами она рассматривается как дающая большее пространство историческому мышлению, нежели историческая антропология, чей подход предположительно больше сосредоточен на социальных институтах и движущих силах цивилизаций. Более основательная, чем было во времена Фрица Гребнера, Франца Боаса и Альфреда Крёбера, этноистория, будучи в германоязычных странах эквивалентом *Historische Völkerkunde*, наносит на карту линию исследований себя самой, производя, по сути дела, антропологический культурно-исторический и социально-исторический вклад в науку, прокладывая себе таким образом путь к дверям большинства университетских библиотек²⁴. Этноистория может рассматриваться как успеш-

²⁰ Yang H. The politics of writing history in China: A comparison of official and private histories // *Inner Asia*. 2001. Vol. 3, no. 2. P. 127.

²¹ Schlee G. *Historische Ethnologie*. S. 445.

²² Nachtigall H. *Völkerkunde — Eine Einführung* (Suhkamp Taschenbuch 184). 2nd ed. Stuttgart, 1979. S. 136–137.

²³ Gingrich A., Zips W. *Ethnohistorie und Historische Anthropologie*. P. 277.

²⁴ Ср.: Graebner F. *Methode der Ethnologie* (Kulturgeschichtliche Bibliothek, Reihe I; Ethnologische Bibliothek, vol. 1). Heidelberg, 1911; Kroeber A. L. *History and science in anthropology* // *American Anthropologist*. 1935. Vol. 37. P. 539–569. — Краткое введение в эту главу истории антропологии сделал Мюллер, см.: Müller K. E. *Grundzüge des ethnologischen Historismus* // *Grundfragen der Ethnologie. Beiträge zur gegenwärtigen Theorie-Diskussion*. 2nd ed. / eds W. Schmied-Kowarzik, J. Stagl. Berlin, 1993. S. 193–253. — С точки зрения венской перспективы см.: Wernhart K. R. & Zips W. *Einführung in die theoretischen und methodologischen Grundlagen der Ethnohistorie* // *Ethnohistorie: Rekonstruktion und Kulturkritik. Eine Einführung* / eds K. R. Wernhart, W. Zips. Wien, 1998. P. 13–40.

ный апгрейд воззрения Р. Лоуи на этнографию, которая предполагает, в принципе, «полное описание всех культурных феноменов, где бы то ни было и во все периоды»²⁵, требует не только комбинировать «структурно-функциональный подход британской социальной антропологии» с «американским интересом к культурному процессу и истории»²⁶, но также (и как очень важное) добавлять объяснительные инструменты к описательной модели. В конечном итоге вряд ли этнография может «...надеяться проникнуть через поверхностный план повседневной жизни, чтобы отлить ее невидимые формы, несмотря на информацию со стороны исторического воображения»²⁷.

Оказываясь в разных контекстах европейской традиции, определение «исторической антропологии» может временами вызывать еще больший конфуз, чем термин «этноистория», который подозрителен в связи с фокусированием внимания на «множестве разных других»²⁸. Конечно, термин «историческая антропология» звучит не только как прямая калька с немецкой *Historische Anthropologie*, уходящей корнями в философскую антропологию²⁹. Своей, вероятно, наиболее известной стороной *Historische Anthropologie* непосредственно связана и с французскими, итальянскими, английскими учеными, которые в свое время разочаровались в объяснении средневековой Европы с помощью подходов, традиционно сосредоточенных на истории конституций, политических институтов и элит, дипломатии, религии и классов. Эти историки стремились взять на вооружение концепции из социокультурной антропологии, из политической антропологии более ранней формации и из фольклорных исследований, чтобы лучше понять и проиллюстрировать те исторические процессы, в которых переплетались между собой жизнь средневековых коммун, экономика, культура, и получили блестящие результаты. Марк Блок и Жак ле Гофф, Жан-Клод Шмитт, Пьер Нора и Карло Гинзбург — вот только несколько имен, имевших огромный успех с их *nouvelle histoire* в реформировании исторической науки, успех, который создал горение влиятельных школ, укрепивших новые направления культурной истории, микроистории, истории повседневности и истории ментальности в раннее модерновое и модерновое время. Эти направления ныне питают и историческую антропологию.

Совершать исторические поиски в антропологии всегда означало реконструировать исторические измерения позиции человека в природе (*conditio humana*) и его социокультурной активности и отношений между этническими группами на ранних стадиях, так же как результаты трансформации и консервации, вызванные колониальными порядками. Исследование Николасом Дирксом маленького королевства Пудуккоттай, например, открыло, что разделение между религиозной и политической сферами было результатом колониальной интервенции. По этой причине он отверг утверждение, что иерархическая дихотомия сакрального и профанного, браминов и королей была культурно фундирована, как утверждалось ранее Дюмоном в его классической работе, посвященной индийским кастам, не учиты-

²⁵ Lowie R. *Ethnography, cultural and social anthropology* // *American Anthropologist*. 1953. Vol. 55. P. 528.

²⁶ Eggan F. *Social anthropology and the method of controlled comparison*. P. 745.

²⁷ Comaroff J., Comaroff J. *Ethnography and the Historical Imagination*. P. XI.

²⁸ Hirsch E., Stewart Ch. *Introduction: Ethnographies of historicity*. P. 267.

²⁹ Vogel J. *Historische Anthropologie* // *Geschichtswissenschaften: Eine Einführung* / ed. by Ch. Cornelißen. Frankfurt am Main, 2004. S. 296–298.

вавшей, однако, влияния колониальных порядков³⁰. Исследуя бурятов и калмыков, я и сам смог установить, что ассимиляционные стратегии колониальной России не являлись имперской реакцией на национально-освободительное движение, как было признано официальной историографией, но «скорее одним из существенных триггеров»³¹.

Нет, наверное, лучшей сферы для иллюстрации изменяющихся ожиданий и парадоксов колониальной стратегии, чем религия, где разные государственные институты и политические курсы по разным причинам разделяют общий интерес, например в трансформации шаманизма и буддийских практик и обращении туземных племен Сибири в православие. Когда в XVII в. шаманизм стал клониться к упадку, в то время как буддизм стал распространяться среди северных (буряты и халхи) и западных (ойраты и калмыки) монголов, российское правительство первоначально (до 1830 г.) активно поддерживало буддийское духовенство, стремясь консолидировать буддизм в Восточной Сибири в качестве деятельного актора в цивилизационном проекте³². Следуя официальному указу 1741 г. императрицы Елизаветы, бурятское буддийское духовенство, чтобы «пресечь шаманизм среди инородцев», не только позволяло проводить работу по обращению в буддизм бурятов, тунгусов и тувинцев, но даже «прикладывало к этому значительные усилия»³³.

Но это странное партнерство долго не продлилось. Когда было завершено покорение Сибири и в результате установлен постоянный контроль над границами с цинским Китаем, такие уступки были уже ни к чему, как не было и заинтересованности в том, чтобы переманивать буддийское духовенство на свою сторону. Переориентация на Азию после Крымской войны и миграция на восток после так называемого крестьянского освобождения привели к тому, что характер колонизации изменился: от военной к административной и в конечном итоге — к культурно-идеологическому воздействию. По этой причине разрушение буддийских

³⁰ Dumont L. Homo Hierarchicus: The Caste System and its Implications. Chicago, IL, 1980. — Ср.: Dirks N. The Hollow Crown: Ethnohistory of an Indian Kingdom. Cambridge, 1987.

³¹ Schorkowitz D. — 1) Gesellschaftliche Emanzipation und nationale Politik der Burjaten, 1825–1925 // Sibirische Völker: Transkulturelle Beziehungen und Identitäten in Nordasien (Periplus. Jahrbuch für Außereuropäische Geschichte, vol. 17). Münster, 2009. S. 180; 2) Staat und Nationalitäten in Rußland. Der Integrationsprozeß der Burjaten und Kalmücken, 1822–1925 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, vol. 61). Stuttgart, 2001. S. 474.

³² Доржиева Г. Ш. Социальные корни ламаизма и основные вехи его распространения среди ойратов и калмыков // Ламаизм в Калмыкии. Ред. В. Дарбакова. Элиста, 1977. С. 5–13; Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков. Улан-Удэ, 1957. С. 22; Петри Б. Э. Старая вера бурятского народа: научно-популярный очерк. Иркутск, 1928; Скрынникова Т. Д. Основные тенденции в развитии ламаистской церкви Халхи XVIII — начала XX в. // Источниковедение и историография истории буддизма: страны Центральной Азии. Ред. Р. Е. Пубаев. Новосибирск, 1986. С. 73–84; Жуковская Н. Л. Из истории религиозного синкретизма в Забайкалье // Советская этнография. 1965. № 6. С. 120–121.

³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 409 «Положение о ламаистском духовенстве Восточной Сибири». Л. 41а (Ср.: Вашкевич В. Ламаиты в Восточной Сибири. СПб., 1885; Цыремпилов Н. Буддизм и империя: бурятская буддийская община в России (XVIII — нач. XX в.). Улан-Удэ, 2013. С. 288–300; Schorkowitz D.: 1) The Orthodox Church, Lamaism and Shamanism among the Buriats and Kalmyks, 1825–1925 // Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / eds R. Geraci, M. Khodarkovsky. Ithaca, NY, 2001. P. 203; 2) '...Daß die Inordncy niemand rettet und das Heil bei ihnen selbst liegt...': Quellen und Beiträge zur historischen Ethnologie von Burjaten und Kalmücken (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Bd. 90) / eds C. Haselblatt, K. Röhrborn. Wiesbaden, 2018. S. 55–62.

мест поклонения и преследование бурятских священнослужителей развернулись с начала 1870-х гг., сопровождаемые насильственным обращением и массовым крещением шаманистских бурятов. Эта практика получила своего рода дополнительные импульсы после объезда региона царем в 1873 и 1891 гг.³⁴ Именно эта ситуация побудила бурятов самоорганизоваться для защиты своего образа жизни. Это, в свою очередь, вызвало национально-освободительное движение, с которым рьяно боролись и царская националистическая бюрократия, и антинационалистические и антирелигиозные большевики. Усиленный, с одной стороны, Указом о веротерпимости 1905 г., но, с другой стороны, обвиненный в нелояльности (преследовании своих «узконациональных» интересов) со стороны российского духовенства и администрации, «...буддизм оказался в сомнительной ситуации, которая вылилась в одновременное его процветание и преследование вплоть до систематического уничтожения лидеров в 30-е гг.»³⁵. Этноисторическая реконструкция, согласно Дирксу, «...важна, таким образом, не только для историков, сталкивающихся с новыми данными и анализом, но и для антропологов, которые сталкиваются в своей полевой работе с социальной системой, обезглавленной колониальным правлением»³⁶.

Следовательно, наше рассмотрение различных измерений исторической антропологии вряд ли ведет нас к ограниченным исследованиям определенного периода или к заданному ряду дискурсов, априорно выбранных. Наоборот, нам следует заострить наше внимание на последовательности различных времен в культурных формациях человеческих сообществ. Историческая антропология «ни в коей степени не универсальный подход»³⁷. В то же время она не представляет собой отдельного поля в социальной антропологии, которое можно было бы сравнить с экономической антропологией или антропологией религии. Ее лучше описывать как некую призму, дающую возможность для более широкого спектра совместных исследований, где обе дисциплины (история и антропология) получают более широкую сферу деятельности. По моему пониманию, историческая антропология — это метод применения в антропологии прикладного исторического мышления, чтобы создать аналитические инструменты для более точного понимания процессов, структур и трансформаций социальных организаций и культурных идентичностей. Можно сказать, что история имеет примерно такое же значение для антропологии, какое обеспечивается правовым плюрализмом для правовой антропологии³⁸.

³⁴ Гирченко В. П.: 1) Страница из истории христианизации бурятского населения в конце XIX века: по неизданным архивным материалам // Жизнь Бурятии. № 1, 1926. С. 98–107; 2) Хоринские «происшествия» 1848–1849 годов и православная миссия: исторический очерк // Жизнь Бурятии. Т. 1. 1929. С. 119–124; Кудрявцев П. Страничка из истории насильственного крещения бурят // Жизнь Бурятии. Т. 6. 1929. С. 63–66; Летописи хоринских бурят: хроники Тулудур Тобоева и Вандана Юмсунова. Пер. Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. Т. 33: Материалы для истории Бурят-Монголии, т. IV. М.; Л., 1940. С. 56.

³⁵ Schorkowitz D. The Orthodox Church, Lamaism and Shamanism among the Buriats and Kalmyks, 1825–1925. P. 220.

³⁶ Dirks N. The Hollow Crown... P. 8.

³⁷ Thomas N. History and Anthropology. P. 274.

³⁸ «Правовой плюрализм — это не объяснительная теория, а прежде всего повышающая чувствительность концепция. Она создает основу для развития аналитических критериев с целью выделения вариантов как внутри эмпирически сложных объектов права, так и их взаимоотношений» (Benda-Beckmann F., Benda-Beckmann K. The Dynamics of Change and Continuity in Plural Legal Orders

Растущая специализация и увеличение академического персонала стимулировали взаимное сближение дисциплин, которое уже было определено В. Лепенисом как «историзация антропологии и антропологизация истории»³⁹. Хотя и краткая, но точная оценка, действительно отражающая общий ход развития в гуманитарных науках в последние десятилетия, который ведет к замечательному сходству в методах, исследовательских интересах и концепциях. Это, кстати, даже заставляет некоторых верить в то, что «старое различие между антропологией и историей к настоящему моменту окончательно исчезло»⁴⁰, в то время как другие могут разглядеть «различие между антропологической историей и исторической антропологией»⁴¹. Как бы то ни было, но глобализация в науке усиливает давно существующее сходство между разными дисциплинами: антропологией религии и историей религии, правовой антропологией и правовой историей, а также между исторической социологией и социальной историей⁴².

Недостаток источников и сложность их интерпретации буквально заставляют все теснее сотрудничать между собой медиевистов, археологов, лингвистов и антропологов, которые совместно изучают этничность, культуру и появление ранних клановых конфедераций в Европе и Азии. И это вполне оправданно, поскольку средние века этнически гетерогенной Европы характеризуются не национальными государствами, но национальностями, коммунами и родством. Все подобные компоненты общественной жизни структурировались вокруг религиозной, культурной и экономической идентичностей, во многом сходных с персональной зависимостью, патронажем и клиентелой, основанных на генеалогической легитимации и «ядер» тех традиций, с которыми сталкиваются антропологи в своей полевой работе.

// Dynamics of Plural Legal Orders / eds E. Von Benda-Beckmann, K. Von Benda-Beckmann. Münster, 2006. P. 14).

³⁹ Lepenies W. Geschichte und Anthropologie. Zur wissenschaftshistorischen Einschätzung eines aktuellen Disziplinenkontakts // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. 1975. Bd. 1. S. 325. — Интересно отметить, что В. Лепенис действительно имеет в виду конкретную, но ограниченную форму исторической антропологии, когда подчеркивает важность «жизни или антропологических констант и угрозы жизни» (Ibid. S. 338), уделяя, таким образом, меньше внимания временным и социокультурным трансформациям. Его взгляд устремлен на человеческие способности (их реализации в истории или препятствиям на пути реализации), такие как репродуктивность, сексуальность, семья, рождение, детство, взросление, пища, болезнь и смерть. Этот подход видим также в работе Дж. Гуди о родстве, репродукции и собственности, а также у П. Паркса, рассматривающего вскармливание и приемное родство (Goody J. Production and Reproduction: A Comparative Study of the Domestic Domain // Cambridge Studies in Social Anthropology. Vol. 17. Cambridge, 1999. P. 231–237; Parkes P. Milk kinship in Islam. Substance, structure, history // Social Anthropology. Vol. 213, 2005. P. 307–329). — Такое позиционирование человека в природе, анализ этого положения в исторической перспективе, убеждение в том, что развитие человеком культуры (включая социальную и политическую организацию, закон, религию и т. д.) является ответом на вызовы его земного существования и в то же время очевидно интеллектуальным началом данной специфической ветви исторической антропологии.

⁴⁰ Bloch M. The Ethnohistory of Madagascar. P. 293.

⁴¹ Giordano Ch. The Past in the Present: Actualized History in the Social Construction of Reality // Critical Junctions: Anthropology and History Beyond the Cultural Turn / eds D. Kalb, H. Tak. New York, 2005. P. 69.

⁴² Потенциал этого бифуркационного выравнивания для синтеза и добывания знания может быть также выражен как двусторонний исследовательский дефицит. Что касается правовой сферы, например, многое может быть обращено к кодексам и практикам малых групп в Евразии и их ассимиляции в нормативные порядки государств в России и Китае.

Острый интерес медиевистов к тем антропологическим определениям, которые этнические группы применяют к себе самим, очевиден. Так же, впрочем, как озабоченность «...ранними институтами социальной организации и вопросами становления государства, для изучения которых политическая антропология и исследование сегментарных сообществ столько сделали»⁴³. Допуская, что историки не будут превращаться в социальных антропологов несмотря на имеющуюся близость, вряд ли можно не согласиться с утверждением Роберта Дарнтона, что они (историки) стали этнографами своего культурного прошлого, «...поскольку изучают свои собственные цивилизации таким же образом, каким антропологи исследуют другие цивилизации»⁴⁴.

Историческая антропология в постсоциалистической Евразии

С окончанием холодной войны стремление к установлению тесных связей между историей и антропологией получило дополнительный толчок. Полевые исследования и архивы стали несравнимо более доступны для исследователей при постсоциализме, чем при «старых режимах». Да и кооперация с коллегами из России, Содружества независимых государств (СНГ) и Китая оценивается высоко. Как заметил Дуглас Роджерс, «многие антропологи теперь проходят через архивы и многие историки делают магнитофонные записи»⁴⁵.

К осознанию важности этих усиливающихся связей между учеными присоединяется, однако, и тревога по поводу того, что на новой стадии строительства национальной идентичности парадигмы марксизма-ленинизма были замещены национальными идеологиями. Социализм развалился в Восточной Европе, и еще раньше стал приходить в упадок в ходе амбициозных реформ Дэн Сяопина, подготовивших Китай к вхождению в мировой рынок. Падение социализма привело к тому, что страны, охваченные кризисом преобразований, стали обращаться к образам прошлого (и лингвистической, и религиозной принадлежности) как к наиболее реальным источникам усиления социальной сплоченности и собирания силы разными национальными элитами. В связи с растущей потребностью в этноцентрических, примордиальных и исторических нарративах все в большей и большей степени «...феномены социального и политического порядка стали интерпретировать в терминах культуры, религии и этничности»⁴⁶. Социальная сфера быстро

⁴³ Schorkowitz D. Osteuropäische Geschichte und Ethnologie. Panorama und Horizonte. S. 245–246. — Ср.: Schorkowitz D. Clio und Natio im östlichen Europa // Historische Zeitschrift. 2004. Vol. 279, no. 1. S. 1–33.

⁴⁴ Darnton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. New York, 1985. P. 3. — Ср. с классическим эссе Б. Кона (Cohn B. S. An Anthropologist among the Historians and Others Essays. Delhi, 1987. P. 1–17), где автор представляет историка, будто он с другой планеты.

⁴⁵ Rogers D. Historical Anthropology meets Soviet History // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7, no. 3. P. 633–634. — См. также: Schorkowitz D. Die ethnohistorischen Archivdokumente zu den Kalmücken, Burjaten und Mongolen des Zentralstaatlichen Geschichtsarchives (CGIA) und des Institutsarchives für Ethnographie (AIE) in Leningrad (Bibliographische Mitteilungen des Osteuropa Instituts an der Freien Universität Berlin, vol. 25). Berlin, 1988.

⁴⁶ Schorkowitz D. Erinnerungskultur, Konfliktdynamik und Nationsbildung im nördlichen Schwarzmeergebiet (Max Planck Institute for Social Anthropology Working Paper, vol. 118). Halle/Saal. 2009. S. 13. — Ср.: Шлехе Г. Управление конфликтами: теория и практика / пер. С. В. Соколовского. М., 2004; Schlee G. How Enemies Are Made: Towards a Theory of Ethnic and Religious Conflicts (Integration and

этнизировалась и конфессионализировалась, часто со вспышками насилия⁴⁷. Следовательно, механизмы межэтнического напряжения стали полем, где антропологические и социологические объяснения насилия, его происхождения, эскалации и функционирования плодотворно комбинировались с историей в целом и/или знанием исторических дискурсов в определенной области, в частности когда прошлое и этничность использовались в качестве ресурса для мобилизации, когда политика истории находилась на службе как правительственных акторов, так и региональных «сильных людей».

Не меньшее, если не большее, значение для базовых исследований в исторической антропологии в связи с Россией и другими частями Евразии имеют «белые пятна» и результаты *desiderata*, возникавшие (как жаловался В. Тишков⁴⁸) из-за политического контроля и методологических ограничений, а также в результате интеллектуальной изоляции и имперских комплексов при царском и советском режимах. Стоит время от времени напоминать о тяжелых условиях сравнительно недавнего прошлого: антропологи и историки, если и не были целью как интеллектуалы при старом режиме и не все преследовались как враги народа в 1930-е гг.⁴⁹, но могли публиковать только то, что соответствовало историческому материализму. Они должны были трактовать «нерусскую историю как компонент русской истории»⁵⁰ и придерживаться идеологии «братства советских народов». Брать для рассмотрения те стороны этнических групп, которые связаны с их культурно-национальной самоидентификацией или объективной верификацией их колониального прошлого, было просто невозможно. Внутренний цензор, выборочное чтение и другие ограничения «...приводили к уникальной стандартизации научного восприятия, историческим фальсификациям и во многих случаях к ликвидации документов»⁵¹. Не удивительно, что советская этнография «была триумфалистской в ее перспективе и открыто апологетической относительно советского режима» и даже в поздние восьмидесятые не была готова понять и принять парад национальных суверенитетов, возникший из-за упадка центральной власти и контроля⁵².

Таким образом, необходимо пересмотреть массу дореволюционной и социалистической этнографической литературы и изучить «горы новых архивных источников»⁵³, чтобы создать новый контекст, стоящий на уровне новейших требо-

Conflict Studies, vol. 1). New York, 2008; *Shnirelman V. A.* Stigmatized by history or by historians? The peoples of Russia in school history textbooks // *History & Memory*. 2009. Vol. 21, no. 2. P. 111.

⁴⁷ Касательно дискуссии по поводу того, насколько эти тенденции связаны с «советской ностальгией» и возрождением понятия «трайбализм», см.: *Gladney D. C.* Relational alterity: Constructing Dungan (Hui), Uygur, and Kazakh identities across China, Central Asia and Turkey // *History and Anthropology*. 1996. Vol. 9, no. 4. P. 448.

⁴⁸ *Tishkov V.* The crisis in Soviet ethnography // *Current Anthropology*. 1992. Vol. 33, no. 4. P. 372.

⁴⁹ *Takakura H.* Indigenous intellectuals and suppressed Russian anthropology: Sakha ethnography from the end of the nineteenth century to the 1930s // *Current Anthropology*. 2006. Vol. 47, no. 6. P. 1009.

⁵⁰ *Shnirelman V. A.* Stigmatized by history... P. 112.

⁵¹ *Schorkowitz D.* Osteuropäische Geschichte und Ethnologie. S. 249. — Ср.: *Weinerman E.* The polemics between Moscow and Central Asians on the decline of Central Asia and Tsarist Russia's role in the history of the region // *The Slavonic and East European Review*. 1993. Vol. 71, no. 3. P. 428–481. — Об аудиторной практике в Китае касательно сортировки, компиляции и трансляции исторических источников см.: *Yang H.* The politics of writing history in China...

⁵² *Kozhanovsky A., Kozhanovskaya I., Perepeolkin L., Pershitz A., Stelmach V., Tertizky K.* On Tishkov's. U.S. and Russian anthropology // *Current Anthropology*. 1999. Vol. 40, no. 4. P. 525.

⁵³ *Rogers D.* Historical anthropology... P. 635.

ваний, дополненный эмическим восприятием, чтобы интегрировать в него тех, чей голос был подавлен и чьи нарративы были извращены. Поскольку еще и многие черты в культурных мирах российских и китайских народов ожидают детального описания, включая отношения с властью и колониальной администрацией, с отсылками к территориям, праву, экономике, религии, образованию и другим сферам — ясно, что продвинутое исследование еще впереди!⁵⁴

Кроме того, есть актуальная потребность для *истории антропологии* почти всех постсоциалистических стран. Мы фактически не имеем достаточных сведений о недавних трендах и дискурсах антропологии и этнографии здесь или о новых предметах, которые возникли и преподаются на университетском и академическом уровне. Такой мониторинг, который делался гораздо чаще в коммунистические времена⁵⁵, теперь стал редок или (о ужас!) я этих статей просто не заметил. Следовательно, мы в Западной Европе в реальности не имеем тесного контакта с политикой в области антропологии в Восточной Центральной Европе, России, Китае и Центральной Азии, и это препятствует столь важной интеграции евразийских перспектив антропологических исследований в мировом научном сообществе, во всяком случае не создает баланс европоцентристским позициям в западной антропологии.

Наконец, есть настоятельная необходимость переоценки той роли (защищаемой многими лидирующими антропологами как в России, так и на Западе), которую играет антропология в «политической и социальной инженерии»⁵⁶ в прошлом и даже настоящем. Фактически этнография в связи с влиянием германского Просвещения⁵⁷ и слиянием исторического материализма с историческими науками во многих частях Евразии стряхнула с себя советский ярлык только в начале 1990-х гг. Тепло приветствуемая затем международным сообществом, она формально перестала быть исторической субдисциплиной и, похоже, подвергла себя инвентаризации в сторону этнологии, ориентированной на социальные науки⁵⁸. Но существенная трансформация еще не закончилась.

⁵⁴ Перспективная линия исследований намечена в: *Baberowski J.* Auf der Suche nach Eindeutigkeit: Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und in der Sowjetunion // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1999. Vol. 47, no. 4. P. 482–504; *Martin V.* Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Richmond VA, 2001; *Schor-kowitz D.* Staat und Nationalitäten in Rußland...; *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, IN, 2002.

⁵⁵ См., например: *Krader L.* Recent Trends in Soviet Anthropology // *Biennial Review of Anthropology* / ed. by B. J. Siegal. Stanford, CA, 1959. P. 155–184; *Schott R.* Das Geschichtsbild der sowjetischen Ethnographie // *Saeculum: Jahrbuch für Universalgeschichte*. 1960. Vol. 11, no. 1–2. S. 27–63; *Humphrey C.* Some recent developments in ethnography in the USSR // *Man*, n.s. Vol. 19. 1984. P. 310–320; *Skalnik P.* Soviet Ethnografia and the national(ities) question // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1990. Vol. XXXI, no. 2–3. P. 183–191.

⁵⁶ *Tishkov V.* The crisis... P. 375–376, 378.

⁵⁷ См. блестящий трактат Хана Вермойлена и его итоговые статьи: *Vermeulen H.*: 1) Early history of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment: Anthropological Discourse in Europe and Asia, 1710–1808. PhD Thesis. University of Leiden, 2008; 2) Von der Empirie zur Theorie: Deutschsprachige Ethnographie und Ethnologie von Gerhard Friedrich Müller bis Adolf Bastian (1740–1808) // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2009. Vol. 134. S. 253–266; 3) Göttingen et la 'science des peuples': ethnologie et ethnographie dans les Lumières allemandes (1710–1815) // *Göttingen vers 1800* / ed. by H. E. Bökeler. Paris, 2010. P. 247–284; 4) Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment. Lincoln, 2015.

⁵⁸ *Elfimov A.* The state of the discipline in Russia: Interviews with Russian anthropologists // *American Anthropologist*. 1997. Vol. 99, no. 4. P. 775, 780; *Tishkov V.*: 1) The crisis... P. 373; 2) Об антропологии как дисциплине в российской традиции // *Этнографическое обозрение*. 2005. Т. 2. С. 6–7.

Шла и продолжается яркая дискуссия с конца 1990-х гг. по вопросу, в какой форме должна быть кооперация между западными антропологами и их коллегами, работающими в рамках российской этнографической традиции; может ли переименование академических институтов уже гарантировать успешную переориентацию в антропологии? Сомнения по поводу движения к модернизации остаются: «Действительно ли русские <...> и другие посткоммунистические этнографы <...> хотят стать антропологами и таким образом участвовать в интеллектуальной революции? — спрашивает Питер Скальник. — Или продолжают прятаться за меняющимися ярлыками этнологии?» Затем он продолжает: «Если их цель первое, то они должны перевести, изучить и усвоить обширный мир антропологической литературы, что позволит им тщательно и открыто пересмотреть большую часть своих произведений вплоть до нынешнего дня»⁵⁹. Ему, однако, возражал Валерий Тишков, который характеризовал западную критику и растущее западное влияние как новую форму культурного империализма со стороны антропологической постсоветологии. И реакция Тишкова понятна, поскольку «социалистическая эра антропологии»⁶⁰ произвела на свет (в противоречии с личным опытом Питера Скальника) очень неплохую литературу даже в прокрустовом ложе исторического материализма, в частности под ярлыком этноисторических исследований в русской науке и *badania etnohistoryczny* — в польской. Это в полной мере сложная ситуация, особенно во времена, когда напряжение растет на глобальном уровне и когда этнические меньшинства уже во многих частях Евразии снова становятся объектами гегемонистской политики.

По сути дела, западная научная литература, теории, гранты ныне циркулируют с большей свободой (хотя сейчас в разных регионах по-разному) в Восточной Европе и Центральной Азии после десятилетий изоляции. Наверное, процесс этот необратим, но оказывает специфическое воздействие на научные сообщества и исследовательские биографии, усиливая стремление к соревнованию между существующими лагерями, стимулируя появление новых групп и новых направлений, отнюдь не всегда на пользу отдельному индивидууму. Достаточно сказать, что для более тесной кооперации и победного результата более желательно, чтобы не было какой-либо борьбы с коллегами, которые при нынешних обстоятельствах могут осознавать себя как более юные партнеры в соревновательном движении. Партнеры, которые защищают свои региональные интересы и, кстати, нуждаются в дополнительных аргументах касательно пользы для них того теоретического и идеологического импорта, который мы им зачастую навязываем⁶¹.

По этой причине мне и ныне симпатичен аргумент Сергея Соколовского: прежде чем отбрасывать старые наработки, которые вдруг оказались устаревшими, и заменять их новыми идеями, которые еще не проверены на дееспособность, нам нужно проверить и обсудить прежние⁶². Я думаю, что сбалансированный импорт новых подходов, основанный на теоретически ведущей этнографии в комбинации

⁵⁹ *Tishkov V.* U.S. and Russian anthropology: Unequal dialogue in a time of transition // *Current Anthropology*. 1998. Vol. 39, no. 1. P. 10.

⁶⁰ *Skalnik P.* My Preference Lies... P. 36.

⁶¹ *Kosmarski A.* Space, power, and prestige in the academic field: A case-study of Russian scholars // *Focaal — European Journal of Anthropology*. 2009. Vol. 53. P. 91–93; *Scheffel D. Z.* The Past and the Future. P. 34–35.

⁶² *Elfimov A.* The state of the discipline in Russia... P. 777.

с усилением обмена идеями с регионами может помочь достичь лучшего взаимопонимания и ориентации в этом процессе трансформации (и взаимного обмена знаний). Историческая антропология может играть связующую роль благодаря своей близости этнографическим программам академических институтов, где история, антропология, археология и историческая лингвистика традиционно комбинируются в междисциплинарных исследованиях.

Ясно, что исследования в области исторической антропологии в Евразии вряд ли будут успешными, если лишь импортировать теоретические инструменты из инвентаря уже разработанного для других, например «Кении, постколониального Пакистана или Западной Европы»⁶³. Их нужно применять к подходящим дискурсам в разных частях Евразии и увязывают как с региональными особенностями, так и с ориентацией на теоретические дискуссии по всему миру. Но как вообще можно делать подобное без критики традиций и остатков колониальных практик? Да, эта критика должна быть объективной, конструктивной, фактической и конкретной. И тем не менее она должна звучать.

Защищенный? — подчиненный? — интегрированный?

Инсценированные коммеморации так называемых добровольных вхождений в Российскую империю (фактически это идеологическая метафора колониальных аннексий) заставляют нас акцентировать проблему и включиться в дискуссию, хотя она может быть и не очень удобной. В сентябре 2009 г. Калмыцкий институт гуманитарных исследований — ветвь Российской Академии наук — организовал международную конференцию «Единая Калмыкия в единой России. Сквозь века в будущее» (название, конечно, содержит аллюзию с российской правящей партией «Единая Россия»). Однако этот форум стал своего рода «вешалкой», на которую подвесили празднование 400-летия «добровольного вхождения» калмыков в состав Российского государства и где обсудили давно уже заезженные темы: этногенез и этноистория калмыков-ойратов и их межкультурные отношения в России и Центральной Евразии.

Аналогичные празднования имели тогда место и в других частях России: Удмуртия праздновала 450-летнюю годовщину в 2008 г., а башкиры и черкесы — в 2007⁶⁴. В этом же году торжественно праздновалось и 300-летие присоединения Хакасии. Была напечатана золотая медаль по этому случаю, которая весила 1 килограмм и стоила 1,5 млн рублей. Этот тип культурной памяти, понятно, отражает историческую реальность только в очень ограниченных рамках, и семантика этих празднеств будит разногласия даже между самими местными их организаторами. Однако прагматизм превалирует, поскольку, как Виктор Шнирельман показал применительно к чеченцам и ингушам, эти празднования сопровождаются финансовой поддержкой, большими деньгами со стороны федерального бюджета, которые

⁶³ Rogers D. Historical anthropology... P. 635.

⁶⁴ Латыпов Р.Ф. Надежный форпост России: Добровольное вхождение Башкирии в состав Русского государства и национальная идея России // Бельские просторы. Проза. Поэзия. Публицистика: Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал. 2007. Т. 8, № 105. С. 109–114.

идут в хронически недофинансируемые провинциальные инфраструктуры на реконструкцию дорог, больниц и школ⁶⁵.

Раз деньги идут на такие благие цели, исторические факты оказываются просто разменным товаром, поскольку данные ясно опровергают утверждение, что те или иные группы добровольно входили в Российскую империю. В противовес официальной исторической политике, восстания башкир и удмуртов против растущей власти династии Романовых все еще занимают выдающееся место в исторических спорах⁶⁶. Что касается калмыков, которые сформировались в нацию к концу XIX в. и устраивали протесты против имперских практик даже в течение двух мировых войн, что и превратило их в один из «наказанных народов» после 1945 г., мой коллега Майкл Ходарковский и я всегда считали, что от своих первых контактов с Московским государством вплоть до насильственного исхода в 1771 г. их ханство составляло почти независимую конфедерацию⁶⁷. Итак, за редким исключением, подавляющее большинство нерусских национальностей имели опыт подчинения и сопротивления в ходе их интеграции.

Приукрашивание колониальной экспансии и вызванных экспансией трансформаций имеет давнюю традицию. Выражение «добровольное вхождение» глубоко укоренено в сталинской историографии, которая провозглашала «добровольное присоединение», например, в панегирических книгах о бурятах в 1950 г.⁶⁸ и о черкесах⁶⁹. Затем несмотря на растущий критицизм быстро последовала серия подобных публикаций о киргизах в конце 1950-х гг., о казахах, калмыках, и снова о киргизах в 1980-е гг.⁷⁰

Напомним, что Лоуэлл Тиллет, чья работа стала эталоном, раскрывает идеологический конструкт «мифа о дружбе». В своей книге «Великая дружба» он саркастически констатирует его сущностную логику: «Наиболее невероятная часть этой темы о добровольных аннексиях — это утверждение, что нерусские народы участвовали в процессе. Во всех случаях аннексия была в согласии с их желанием,

⁶⁵ *Shnirelman V. A. A Revolt of Social Memory: The Chechens and Ingush against the Soviet Historians // Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and its Neighboring Worlds (Slavic Eurasian Studies, vol. 10) / ed. by O. Ieda. Sapporo, 2006. P. 283.*

⁶⁶ *Трепавлов В. В. Добровольное вхождение в состав России. Торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 155–162.*

⁶⁷ *Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771, Ithaca, NY, 1992; Schorkowitz D. Die soziale und politische Organisation bei den Kalmücken (Oiraten) und Prozesse der Akkulturation vom 17. Jahrhundert bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts: Ethnohistorische Untersuchungen über die mongolischen Völkerschaften (Europäische Hochschulschriften, Reihe XIX, Volkskunde, Ethnologie; Abt. B, Ethnologie, Bd. 28). Frankfurt am Main, 1992. S. 241–247. Cp.: Ro'i Y. The transformation of historiography on the "Punished Peoples" // History & Memory. 2009. Vol. 21, no. 2. P. 153–158; Шорковитц Д. Калмыки (1943–1945) // Энциклопедия изгнаний: депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / под ред. Д. Брандеса, Х. Зундхауссена, Ш. Трёбста. М., 2013. С. 212–215.*

⁶⁸ *Цибиков Б. К вопросу о добровольном присоединении Бурят-Монголии к России. Улан-Удэ, 1950.*

⁶⁹ *Алексеева Е. П., Калмыков И. Х., Невская В. П. Добровольное присоединение Черкессии к России: к 400-летию юбилею. Черкесск, 1957.*

⁷⁰ *Джамгерчинов Б. Д. Присоединение Киргизии к России. М., 1959; Эрдниева У. Э. Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: Исторические корни и значение. Элиста, 1985; Добровольное вхождение Киргизии в состав России и его прогрессивные последствия / под ред. С. И. Ильясова, А. К. Карыпкулова. Фрунзе, 1986; Шоинбаев Т. Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982.*

в ряде случаев они сами инициировали присоединение и помогали его осуществлять; в ряде случаев люди даже жаждали аннексии вразрез с желаниями своих правителей. Рисуеться удивительная картина: ...эти люди, которые в большинстве случаев были неграмотны и крайне разобщены — имели внешнюю политику?!»⁷¹ И Баймирза Хаит в связи с празднованием вышеупомянутой казахской годовщины в 1981 г. верно уловил скрытую интенцию: заменить «покорение» — «покровительством, защитой»⁷².

Продолжающаяся череда этих событий ставит вопрос о том, какую функцию они выполняют. Коротко говоря, я рассматриваю это как единый ресурс «одобрения», служащий различным целям: а) камуфляж континентальной колониальной экспансии; б) развитие мифа дружбы народов в мультинациональном государстве, несвободном от так называемых этнических конфликтов; в) аргумент в пользу прогрессивных сдвигов в обществе, где колонизируемые получают от колонизаторов некий «цивилизационный проект». В любом случае вновь именно историческая антропология имеет потенциалы включиться более интенсивно в исследование колониальных трансформаций в России, СНГ и Китае. А это сегодня явный пробел в исторических и региональных исследованиях...

Континентальный колониализм в Евразии: сравнительный взгляд

Мало в мире регионов, которые могут конкурировать с Евразией в этническом разнообразии, мультикультурных наслоениях и наличии временных *longue durée* — весьма продолжительно развивающихся во времени исторических структур, которые могут быть определены и отслежены по письменным, археологическим и лингвистическим источникам в различных частях этого двойного континента. Евразия — лаборатория для исторической антропологии, репозиторий для теорий, методов и инновационных перспектив. Гегемонистский поиск многонациональными государствами путей социальной сплоченности и стратегии культурной гомогенизации вызывает различные формы сопротивления, поистине являющегося долговременным фактором евразийской истории, вполне актуальным и в наши дни. Рисую блестящие перспективы для кросс-дисциплинарного подхода, необходимо, как сказано выше, пересмотреть социалистические и предреволюционные этнографические исследования, с одной стороны, а с другой стороны — создать свежий формат социокультурной антропологии. Вот почему исследовательская группа Института Макса Планка по социальной антропологии (Историческая антропология в Евразии) избрала цель в своем среднесрочном планировании сосредоточиться на отношениях между этническими меньшинствами и государством⁷³.

Базовая идея заключается в том, чтобы связать концепцию фронта Внутренней Азии, предложенную Оуэном Латтимором⁷⁴ и позже разработанную Бар-

⁷¹ Tillet L. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapell Hill, NC, 1969. P. 335.

⁷² Hayit B. Some reflections on the subject of annexation of Turkestani Kazakhstan by Russia // Central Asian Survey. 1984. Vol. 3–4. P. 63.

⁷³ Для детальной информации см.: URL: http://www.eth.mpg.de/4796685/EMSE_proje_of_final_report.pdf

⁷⁴ Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China (American Geographical Society Research Series. Vol. 21). 2nd ed. New York, 1951.

фильдом, Ходарковским, Пердью⁷⁵ и многими другими — с созданной Майклом Хехтером моделью «внутреннего колониализма»⁷⁶ и, таким образом, продвинувшись по пути выработки теории «континентального колониализма», осознавая отличия его от «заокеанского» собрата. Сравнение колониального управления в мультинациональных государствах — Китае и России — может показать, как отличаются и в чем они близки в плане отношений со своими национальностями. Исследование правительственных механизмов в России и Китае, которые управляли местным этническим разнообразием с начала XVII в., могут объяснить, как малые группы классифицировались в прошлом со всеми последствиями для понимания политики национальной идентичности в социалистических государствах XX в.⁷⁷. Эта диахроническая перспектива на центральные институты, созданные для того, чтобы регулировать отношения, выраженные данью, налогами, службой, правовой системой и кооптацией элит, как ожидается, прольет новый свет на их трансдлительные и кросс-эпохальные функции как для интеграции мультинациональных государств, так и динамики отношений между этническим большинством и меньшинствами, особенно во времена кризисов и коллапсов⁷⁸.

Юго-Восточная Азия, будучи еще одним макрорегионом Евразии, представляет в определенном смысле «тест случай», поскольку континентальные (Китай и Индия) и заморские (Франция) влияния частично накладывались здесь одни на другие. Более того, роль и деяния государства надо рассматривать отдельно, учитывая влияние религии и культуры⁷⁹. В Лаосе, например, отношения между этническими меньшинствами в горах и группами, живущими в долинах, оформляются и опосредуются главным образом буддизмом, его идеями управления государством и его политическими технологиями власти. Как и в соседнем Вьетнаме и других частях постсоциалистической Евразии, национальное строительство в Лаосе сегодня основывается преимущественно на культурных традициях, религиозной идентичности, историческом наследии⁸⁰.

⁷⁵ Barfield Th. J. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Cambridge, MA, 1992; Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier...*; Perdue P. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, 2005.

⁷⁶ Hechter M. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development*. New Brunswick, NJ, 1999.

⁷⁷ Schorkowitz D.: 1) *Imperial Formations and Ethnic Diversity: Institutions, Practices, and Longue Durée Illustrated by the Example of Russia* (Max Planck Institute for Social Anthropology Working Paper, vol. 165. Halle (Saale), 2015; 2) *Dealing with Nationalities in Imperial Formations: How Russian and Chinese Agencies Managed Ethnic Diversity in the 17th to 20th Centuries* // *Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited* (Brill's Inner Asian Library 35) / eds D. Schorkowitz, Chia Ning. Leiden, Boston, 2017. P. 389–434.

⁷⁸ Cp.: Burbank J. *The Rights of Difference: Law and Citizenship in the Russian Empire* // *Imperial Formations* / eds A. L. Stoler, C. McGranahan, P. C. Perdue. Santa Fe, 2007. P. 77–111; Schorkowitz D. *Staat und Nationalitäten in Rußland...*

⁷⁹ Ladwig P. *Schools, Ritual Economies, and the Expanding State: the Changing Roles of Lao Buddhist Monks as 'traditional intellectuals'* // *Buddhism, Modernity, and the State in Asia: Forms of Engagement* / eds J. Whalen-Bridge, P. Kitiarsa. New York, 2013. P. 63–91; Tappe O.: 1) *A Frontier in the Frontier: Socio-political Dynamics and Colonial Administration in the Lao-Vietnamese Borderlands* // *The Asia Pacific Journal of Anthropology*. 2015. Vol. 16, no. 4. P. 368–387; 2) *Frontier as Civilization? Sociocultural dynamics in the Uplands of Southeast Asia* // *Anthropology and Civilizational Analysis: Eurasian Explorations* / eds J. P. Arnason, Ch. Hann. Albany, 2018. P. 193–218; 3) *Geschichte, Nationsbildung und Legitimationspolitik in Laos*. Münster, LIT Verlag, 2008.

⁸⁰ Schorkowitz D. *Geschichte, Identität und Gewalt im Kontext postsozialistischer Nationsbildung* // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2010. Vol. 135, no. 1. S. 97–158.

Борьба за гегемонию в Евразии заставила сначала чужеземные, а затем быстро «аккультурированные» династии Китая (Юань и Маньчжурская Цин) и России (Рюриковичи, но в основном уже Романовы) аннексировать огромные территории, мотивируя это якобы необходимостью безопасности фронта. Это «сделало их искусными в политике фронта»⁸¹. Трансформируя вновь захваченные территории во внутренние колонии, эти «фронтирные политики» «прекрасно понимали слабость трайбалистской организации в степи и пути ее эксплуатации»⁸². Синтез обоих этих подходов (фронт и внутренний колониализм) становится гораздо более понятным в сравнении с более близкими моделями непрямого правления, которые практиковались британским морским колониализмом в Индии⁸³ или Францией в Индокитае.

Изучение колониального опыта в Евразии открывает важность сравнительных подходов к путям и степени культурного проникновения и импорта модернизации. Это было отмечено давно Ходарковским, который подчеркнул, что «ни частные британские предприниматели, ни государственные (можно добавить сюда, кстати, и французских. — Д. Ш.) не имели интенции заселить Индию британскими колонистами или активно обращать туземцев в христианство. Россия, наоборот, стремилась объединить оба эти фактора, приводя христианских поселенцев в районы, где доминировали мусульмане, и одновременно интенсивнее обращая местных жителей в христианство»⁸⁴.

Будучи вовлеченными в общение с местным населением в гораздо большей степени, российские военные и бюрократы, купцы, крестьяне, рабочие и интеллектуалы обеспечивали гораздо более значительную степень западного влияния и распространения ориентированной на Европу модернизации вместе с русификацией (а позже — советизацией). Продолжающееся продвижение России от непрямого к прямому управлению в конечном итоге приводило к вынужденной интеграции, как это было и в случае экспансии Хань китайцев в пределы Внутренней Азии. Иным было правление британцев в Индии, где Великобритания стремилась получить максимальный доход, что приводило к иным социокультурным трансформациям колонизируемых. Симптоматично, что между 1868 и 1910 гг. расходы царской России в Русском Туркестане почти постоянно в два и более раза превышали доходы от этих областей, в то время как в Индии «местные доходы шли на содержание большой армии, составленной преимущественно из туземных войск, что делало Британию мировой силой на земле, как и на море»⁸⁵.

⁸¹ *Barfield Th. J. The Perilous Frontier... P. 275. — Ср.: Giersch C. P. 'A Motley Throng': social change on Southwest China's early modern frontier, 1700–1880 // The Journal of Asian Studies. 2001. Vol. 60, no. 1. P. 88–90.*

⁸² *Barfield Th. J. The Perilous Frontier... P. 275.*

⁸³ *Bayly Ch. A. Indian Society and the Making of the British Empire. Cambridge, 1988; Dirks N. Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India. Princeton, NJ, 2001.*

⁸⁴ *Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier... P. 228. Ср.: Khodarkovsky M. Between Europe and Asia: Russia's State Colonialism in Comparative Perspective, 1550s–1900s // Canadian-American Slavic Studies. 2018. Vol. 52, no. 1. P. 1–29; Schorkowitz D. Was Russia a Colonial Empire? // The Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions / Eds D. Schorkowitz, J. Chavez, I. Schröder. Palgrave Macmillan, Springer Nature Singapore, 2019.*

⁸⁵ *Morrison A. St. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford, 2008. P. 31; Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, 2007.*

Мы могли бы, таким образом, ожидать, что эти две формы колониализма вызывают и разные формы эксплуатации, каждая из которых различается результатами в преобразовании социальной системы и культурных идентичностей. Как всегда, местное общество было «первичным экраном», на котором отражались колониальные практики и проекты. Это как раз то, что Бернард Кон имел в виду, когда утверждал, что «один из первых предметов исторической антропологии или антропологической истории — это колониальная ситуация»⁸⁶, где трансформация прогрессирующе меняет стиль жизни, организацию поселения, правовые системы, структуры родства и отношения обмена. Такие изменения можно наблюдать не только по следам прибытия казачества в Сибирь, на Кавказ и Среднюю Азию, но также следуя за движением династии Цин в Монголию, Синьцзян, Тибет и Юньнань, где китайский колониализм демонстрирует похожее переключение с непрямого правления на прямое и где китаизация приводила к похожему результату, что и русификация в западных областях Евразии. Современные уйгуры, чья идентичность была основана на жизни в оазисах (Кашгар, Турфан и Кочо) и на исламе, были грубо «переоформлены» китайским цивилизационным и национально-строительным проектом и могут служить очередным примером внутреннего колониализма⁸⁷.

По направлению к исторической антропологии колониализма

В своей книге Генри Юль выносит на рассмотрение преимущества долгого и разнообразного общения между Китаем и Западом, последовавшим по стопам Марко Поло, выражая при этом восхищение достижениями этой древней цивилизации. Но сегодня нам стоит держать в уме две вещи: не только актуальные культурные активы из далекого прошлого, но также опустошительный эффект от колониальной *mission civilisatrice*, будь это Китай, Россия, Оттоманская империя или даже Индия (если мы сошлемся на мнение Сьюзан Бейли о «всемирно-исторической миссии» Великой Индии) по отношению к этническим меньшинствам⁸⁸.

Поскольку наше короткое путешествие подходит к концу, можно уже подвести некий итог. Мы постарались изучить несколько линий практики исторической антропологии в различных местах Евразии и выделили метод «теоретически информированной практики»⁸⁹, который, по сути дела, является междисциплинарным подходом. Он принимает во внимание существенную взаимозависимость в изучении социальных систем и идет далеко за рамки призыва Клиффорда Гирца «делать

⁸⁶ Cohn B. S. An Anthropologist among the Historians... P. 44. — Ср.: Balandier G. The Colonial Situation: A Theoretical Approach // Social Change: The Colonial Situation / ed. by I. Wallerstein. New York, 1966. P. 34–61; Sivaramakrishnan K. Situating the Subaltern: History and Anthropology in the Subaltern Studies Project // Reading Subaltern Studies: Critical History, Contested Meaning and the Globalization of South Asia / ed. by D. Ludden. London, 2002. P. 212–255

⁸⁷ Beller-Hann I. Community Matters in Xinjiang, 1880–1949. Toward a Historical Anthropology of the Uyghur (China Studies, vol. 17). Leiden, 2008; Gladney D. C. Internal Colonialism the Uyghur Nationality: Chinese Nationalism and its Subaltern Subjects // Cahiers d'Études sur la Méditerranée Orientale et le monde Torcolranien. 1998. Vol. 25. P. 1–12.

⁸⁸ Bayly S. Imaging 'Greater India': French and Indian visions of colonialism in the Indic mode // Modern Asian Studies. 2004. Vol. 38, no. 3. P. 703–744. — См. также: Bhattacharya S. India-Myanmar Relations: 1886–1948. Kolkata, 2007.

⁸⁹ Comaroff J., Comaroff J. Ethnography and the Historical Imagination. P. IX.

этнографию». С учетом (и в контрасте) эмпириокритической и деконструктивной тенденций в постмодернизме с его все более быстро вращающимися поворотами (лингвистическим, пикторальным, культурным, имперским и т. д.) можно не согласиться с выводом известных авторов — Джон и Джин Комарофф, сделанном на африканском материале, что историческая антропология овеществляет ««длящуюся ценность»... в которой этнография и культура остаются живыми»⁹⁰. Фактически распространение транснациональных, транскультурных и глобальных исследований в последние годы указывает, по моему мнению, на то, что новая, постмодернистская культурная история уже прошла свой апогей и что новые формы усовершенствованной социальной истории скоро будут востребованы⁹¹.

Однако несмотря на уверенность, что колониальные исследования по Африке и Индии имеют огромную ценность, мы должны спросить себя, до какой степени это знание может быть попросту перенесено и приложено к евразийскому содержанию. Например, странно верить в то, что написание исторической антропологии Нижнего Новгорода будет успешным, если мы будем опираться на инвентарь нескольких устаревших теорий (например, ориентализм), протестированных в Кении, Пакистане, Западной Европе или где-либо. Роджерс, чья работа ярко освещает практики и моральные ценности старообрядцев маленького русского города Сепыч, расположенного на верхней Каме, прекрасно показывает, как долгая этнографическая полевая работа в соединении с архивными разысканиями может произвести новое знание о древних традициях, которые даже сегодня могут продолжать влиять на социальное поведение. Мы, очевидно, должны держать аккуратный баланс между необходимым импортом идей и необходимостью оценивать «длительные сдвиги и непрерывности»⁹² Евразии с ее собственным развитием и своеобразными чертами, одной из которых является континентальный колониализм, столь отличающийся от своего заморского собрата.

Колониальные и постколониальные исследования — это часть и раздел исторической антропологии. Они содержат, по меньшей мере, три относящихся к делу характеристики. Первая особенно заметна по контрасту с европейским и американским нежеланием разбираться со своим колониальным прошлым. Речь идет о ранней советской критике царского колониализма, которая распространилась уже накануне Октябрьской революции. Потом она получила гораздо более интенсивное развитие благодаря большей частью сталинской амбициозной политике Коминтерна — влиятельного глашатая для антиколониационных движений в Китае, Турции и Индии в то время. Впрочем, размах этой критики был ограничен «старым режимом», был очень скоро замещен предвоенным патриотизмом и никогда уже за эти пределы не выходил, таким образом, просто скрывая ужасы большевизма, сталинский террор и депортации, так же как и брежневскую борьбу за русификацию. Фактически, фокусируясь на цезуре 1917 г., советские обвинения царского колониализма сознательно переводили внимание от продолжения имперских традиций

⁹⁰ Comaroff J., Comaroff J. *Ethnography and the Historical Imagination*. P. IX.

⁹¹ Kalb D., Tak H. *Introduction: Critical Junctions Recapturing Anthropology and History // Critical Junctions: Anthropology and History Beyond the Cultural Turn* / eds D. Kalb, H. Tak. New York, Oxford, 2005. P. 2.

⁹² Rogers D. *Historical anthropology...* P. 637. Cp.: Rogers D. *The Old Faith and the Russian Land: A Historical Ethnography of Ethics in the Urals*. Ithaca, NY, 2009.

и гегемонистского мышления, которые выходили на свет во времена кризисов: когда «репрессированные народы» были депортированы во Вторую мировую войну или когда советское правительство отвергало требования суверенитета со стороны ряда народов в конце 1980-х гг.

Вторая характеристика — это поразительный аргумент *ex nihilo*, состоящий в том, что колониальные и постколониальные исследования на Западе связаны, главным образом с Африкой и Латинской Америкой, а также Средним Востоком, Юго-Восточной Азией и Индией, таким образом почти полностью проходя мимо Китая, Российской и Османской империй. Вдобавок, в противоречии со всеми обещаниями времен гласности и перестройки, не происходит возрождения славных традиций ранних советских исследований Востока. «1989-й год не празднуется здесь как века деколонизации, — сетует Купер. — И мусульмане Центральной Азии, завоеванные царями и подчиненные насильственно модернизационному проекту Советов, не являются объектом морального и политического внимания, подобно мусульманам Северной Африки, колонизированным французами»⁹³. Этот несбалансированный подход к двум колониализмам, в свою очередь, есть отражение того факта, что евразийские гегемонистские силы не чувствуют ответственности за свое колониальное прошлое. Наоборот, они продолжают утверждать свое колониальное присутствие, изредка камуфлируя его идеологиями «цивилизации», «модерновости» и «гармонии», что и избавляет их от болезненных дебатов касательно политических последствий и компенсаций колониализма.

Этнонациональные представители, с другой стороны, после того, как сначала выступали за уничтожение старой колониальной зависимости, позже возродились в качестве этнополитических деятелей, которые «усердно создавали больше национальностей»⁹⁴ со скрытой иной раз повесткой дня, преследующей личные интересы, в то время как лоббируются, как кажется, вопросы меньшинств и повышения статуса для этнических групп. Имея дело с колониальным прошлым, этничностью и подвергнутой селекции историей, они стремятся на этой основе сконструировать особенную историческую память, разработанную для «запоздалых», или все еще угнетенных формирующихся, наций.

Центральные институты отвечают на этот вызов своей собственной политикой истории. В настоящее время в Российской Федерации официально отдают предпочтение русско-центристской концепции, адепты которой пытаются «ликвидировать» этнокультурную гетерогенность с помощью «ключевой концепции “российской цивилизации”»⁹⁵, конструируя при этом идентичность российского гражданина (россиянин), созидавая «российскую государственную нацию»⁹⁶. В Ки-

⁹³ Cooper F. Postcolonial Studies and the Study of History // Postcolonial Studies and Beyond / eds A. Loomba, S. Kaul, M. Bunzl, A. Burton, J. Esty. Durham; London, 2005. P. 410.

⁹⁴ Gladney D. C. Relational alterity... P. 447. — Ср.: Balzer M. M. The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton, NJ, 1999. P. 203–226.

⁹⁵ Shnirelman V. A. Stigmatized by history... P. 113.

⁹⁶ Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. Такого же мнения придерживается и В. Зорин (Зорин В. Ю. Стратегия государственной национальной политики: традиционность и новые подходы к укреплению единства многонационального народа России (Российской нации) // X конгресс этнографов и антропологов России: тезисы и доклады, Москва, 2–5 июля 2013 г. / ред. М. Ю. Маргынова, Н. А. Лопуленко, Н. А. Белова. М., 2013. С. IX–XI). Разумеется, что с такой постановкой вопроса согласны далеко не все в российской науке. Ср.:

тайской Народной Республике, которая является содружеством очень разных наций и культур, идеи и догмы маосистского социализма были заменены сомнительными обещаниями участия каждого в «блаженстве экономического процветания». Это, однако, усилило центробежные силы в периферийных регионах и проложило дорогу авторитарному супернационалистическому культурализму, основанному на конфуцианском мышлении о строгости, прилежании и патриотическом обучении⁹⁷. Не видно, чтобы в России, Китае или многонациональных странах СНГ хотели бы порвать с колониальным прошлым. Как результат — продолжительные поля напряжения между государством и недоминирующими национальностями и религиозными меньшинствами увековечиваются и усиливаются в Евразии.

Last but not least! Постколониальные исследования, как бы ни были они инструментальны в описании культурного наследия колониального порядка в постмодернизме, концентрируются в основном на трансформации ценностей и смене идентичности среди колонизируемых, как это отражается в постколониальной литературе, фильмах, философии. Однако упор на недавнюю адаптацию и приспособление к социокультурной системе ценностей колонизаторов часто ведет к игнорированию имперских интересов и экономических мотивов, присущих всем формам трансформации, основанной на колониализме с ее влиянием на социальные институты, правовые системы, религиозные практики и культурные традиции. Таким образом, постколониальные исследования не могут заместить историческую антропологию колониализма несмотря на частичное совпадение этих дисциплин.

Точно обозначив антиисторические тенденции собирания рассказов, чехарды наследий и приукрашивания времен, Фредерик Купер «дал по рукам» некоторым истолкователям постколониальных исследований, имея в виду их предубежденную «критику Просвещения, демократии или модерности». Его предупреждение, что правильная критика того, как конструируются евроцентричные колониальные нарративы, никогда не заменит «исторических или этнографических исследований»⁹⁸, призывает нас к борьбе за методологическую строгость и увеличение знаний о колониальном прошлом. Это, по моему мнению, та часть исторически ориентированной антропологии, которая будет наиболее востребована. Тут, кстати, весьма полезен постколониальный опыт Джин Комарофф в Южной Африке, где она видит специальную потребность в больших нарративах «о западных и центральноафриканских перспективах, о текстовых и устных традициях, о фактах и теориях», чтобы уравновесить рассеянную память о прошлом и заполнить лакуну многочисленных идентичностей в текущих процессах созидания социальных групп среди конкурирующих партий⁹⁹.

По общему признанию, до сих пор еще историческое мышление в антропологии имеет плохую репутацию, оно не идет дальше выявления колониального наследия и его влияния на этническую классификацию недавнего социалистического прошлого и даже постсоциалистического времени. Но историческая антропология

Бузин В. С. О нации и национализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 311–324; Schorkowitz D. Dealing with Nationalities in Imperial Formations... P. 10–11.

⁹⁷ Schmidt-Glintzer H. China. Vielvölkerreich und Einheitsstaat. Von den Anfängen bis heute. München, 1997. S. 236–241; Yang H. The politics of writing history in China... P. 131–134.

⁹⁸ Cooper F. Postcolonial Studies and the Study of History... P. 401, 403–404.

⁹⁹ Comaroff J. The End of History, Again? Pursuing the Past in the Postcolony // Postcolonial Studies and Beyond / eds A. Loomba, S. Kaul, M. Bunzl, A. Burton, J. Esty. Durham, NC, 2005. P. 141.

может спускаться вниз от колониального периода, как сказано выше, и фокусироваться на межэтнических отношениях и культурном трансфере в древние времена, на ранних миграциях и способах производства. Важность исторических секвенций в социокультурной трансформации и темпоральных расхождений в социальном развитии взаимодействующих этнических групп не ограничено только современными временами. Эти данные могут быть вполне приемлемым критерием для любых видов исследований и средневековых культур и их взаимодействия в Европе и Азии. Например, сравнение обмена культурными товарами в разных культурных подсистемах дает существенные критерии для средневековых кросс-культурных исследований, которые могут быть полезны при рассмотрении ранних европейских интеграционных процессов¹⁰⁰. Этот опыт не совсем нов. Он, однако, напоминает нам о некоторых общих чертах, которые этнографические традиции на Востоке и исторически настроенная этнология на Западе имели в их академическом прошлом, обеспечивая этим мост к сотрудничеству в будущем.

Поэтому, оставляя позади Южную Африку, богатство зарегистрированных данных по Евразии может открыть больше пластов исторического материала, достигая средних веков и идя дальше к древним цивилизациям и Бронзовому веку¹⁰¹. Прекрасный фон для глубоких исследований — постоянный контраст между оседлыми и кочевыми племенами степной фронтальной зоны с характерными для них социоэкономической динамикой и кросс-культурными отношениями, их взаимозависимостью, вторжениями и подарками, что хорошо зафиксировано византийскими, древнеславянскими, персидскими и китайскими источниками со времен Хунну. Ясно, что появление сил метрополии во Внутренней Азии вряд ли можно объяснить не учитывая диалектику этих отношений и имперского стремления преодолеть их. Это обычный стереотип, что «антропологи полны предложений генеральных идей, но игнорируют детали»¹⁰². Однако, имея возможность рассмотреть длительную временную перспективу Евразии, к тому же в динамике, историческая антропология может добраться до «дна» и совместить интересы социокультурной антропологии с «национальной этнографией»¹⁰³ и «глобальной историей»¹⁰⁴, выш-

¹⁰⁰ Шорковитц Д.: 1) Культурные контакты и культурная трансмиссия в западной Евразии в эпоху средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. Т. 51, № 3. С. 84–94; 2) Происхождение восточных славян и образование Киевской Руси в переоценке постсоветской историографии // *Rossica antiqua*. 2010. Вып. 1. С. 3–53; *Schorkowitz D. Akkulturation und Kulturtransfer in der Slavia Asiatica // Vorträge und Forschungen (Frühjahrstagung 2010 des Konstanzer Arbeitskreis für Mittelalterliche Geschichte auf der Insel Reichenau, Bodensee) / ed. by R. Härtel. Sigmaringen, 2014. S. 137–163.*

¹⁰¹ Отсылая к Ж.-П. Вернану и М. Финли, С. Хамфрис имела прекрасное основание для защиты «исторической антропологии в стиле *long duree* в Древней Греции» (*Humphreys S. C. The historical anthropology of thought: Jan-Pierre Vernant and intellectual innovation in ancient Greece // Focaal — European Journal of Anthropology. 2009. Vol. 55. P. 101–112.* — См. также: *Austin M., Vidal-Naquet P. Gesellschaft und Wirtschaft im alten Griechenland. München, 1984.* — Для другого подхода: *Nippel W. Griechen, Barbaren und "Wilde": Alte Geschichte und Sozialanthropologie. Frankfurt am Main, 1990*). Историческая антропология бронзового века имеет основное значение для изучения экономики и кросс-эпохальных процессов для мир-системного анализа; см.: *Ratnagar Sh. The Bronze Age: Unique instance of a pre-industrial world system? // Current Anthropology. 2001. Vol. 42, no. 3. P. 351–379.*

¹⁰² *Barfield Th. J. The Perilous Frontier... P. XI; Hirsch E., Stewart Ch. Introduction: Ethnographies of history. P. 268*

¹⁰³ *Hann Ch. Anthropology's Multiple Temporalities... P. 8.*

¹⁰⁴ *Kalb D. The Path to the Post-Colony... P. 28.*

ли ли они из под эволюционистского или диффузионистского пера. При этом создаются отличные линзы, смотря сквозь которые мы явно можем улучшить наше понимание мировых цивилизаций.

References

- Alekseeva E. P., Kalmykov I. X., Nevskaja V. P. *Voluntary accession of Cherkessia to Russia: for the 400th anniversary*. Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskii nauchno-issledovatel'skii institut istorii, iazyka i literatury publ., 1957, 92 p. (In Russian)
- Austin M., Vidal-Naquet P. *Gesellschaft und Wirtschaft im alten Griechenland*. München, Beck Verlag, 1984, 344 p.
- Axel B. K. Introduction: Historical Anthropology and its Vicissitudes. *From the Margins: Historical Anthropology and its Futures*. Ed. by B. K. Axel, Durham, NC, Duke University Press, 2002, pp. 1–44.
- Baberowski J. Auf der Suche nach Eindeutigkeit: Kolonialismus und zivilisatorische Mission in Zarenreich und in der Sowjetunion. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 47, no. 4, 1999, ss. 482–504.
- Balzer M. M. *The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999, pp. 203–226.
- Barfield Th. J. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Cambridge, MA: Blackwell, 1992, 325 p.
- Battaglia D. On Practical Nostalgia: Self-Prospecting among Urban Trobrianders. *Rhetorics of Self-Making*. Ed. by D. Battaglia. Berkeley CA, University of California Press, 1995, pp. 77–96.
- Baumann H. Etnologische Fieldforschung und kulturhistorische Ethnologie. *Historische Völkerkunde*. Ed. by C. A. Schmitz. Akademische Verlagsgesellschaft, Frankfurt am Main, 1967, ss. 147–172.
- Bayly Ch. A. *Indian Society and the Making of the British Empire*. Cambridge, Cambridge University Press, 1988, 248 p.
- Bayly S. Imaging 'Greater India': French and Indian visions of colonialism in the Indic mode. *Modern Asian Studies*, vol. 38, no. 3, 2004, pp. 703–744.
- Beller-Hann I. Community Matters in Xinjiang, 1880–1949. *Towards a Historical Anthropology of the Uyghur*. *China Studies*, vol. 17, Leiden, Brill Publishers, 2008, 477 p.
- Benda-Beckmann F., Benda-Beckmann K. The Dynamics of Change and Continuity in Plural Legal Orders. *Dynamics of Plural Legal Orders*. Ed. by E. von Benda-Beckmann, K. von Benda-Beckmann. Münster, LIT Verlag, 2006, pp. 53–54.
- Bhattacharya S. *India-Myanmar Relations: 1886–1948*. Kolkata, K. P. Bagchi, 2007. 438 p.
- Bloch M. The Ethnohistory of Madagascar. *Ethnohistory*, 2001, vol. 48, no. 1–2, pp. 294–295.
- Burbank J. The Rights of Difference: Law and Citizenship in the Russian Empire. *Imperial Formations*. Ed. by A. L. Stoler, C. McGranahan, P. C. Perdue. Santa Fe, School for Advanced Research Press, 2007, pp. 77–111.
- Buzin V. S. On the Nation and Nationalism. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, iss. 1, pp. 311–324. (In Russian)
- Cohn B. S. *An Anthropologist among the Historians and Others Essays*. Delhi, Oxford University Press, 1987, pp. 1–17.
- Comaroff J., Comaroff J. The End of History, Again? Pursuing the Past in the Postcolony. *Postcolonial Studies and Beyond*. Ed. by A. Loomba, S. Kaul, M. Bunzl, A. Burton, J. Esty. Durham, NC: Duke University Press, 2005, pp. 125–144.
- Comaroff J. *Ethnography and the Historical Imagination*. Boulder, CO: Westview Press, 1992, 337 p.
- Cooper F. Postcolonial Studies and the Study of History. *Postcolonial Studies and Beyond*. Ed. by A. Loomba, S. Kaul, M. Bunzl, J. Esty. Durham, London, Duke University Press, 2005, pp. 401–422.
- Darnton R. *The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History*. New York, Vintage Books, 1985, 298 p.
- Dirks N. *Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001, 386 p.
- Dirks N. *The Hollow Crown: Ethnohistory of an Indian Kingdom*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 458 p.
- Dordzhieva G. Sh. The social roots of Lamaism and the main milestones of its distribution among the Oirats and Kalmyks. *Lamaizm v Kalmykii*. Ed. by V. Darbakova. Elista, Kalmytskii nauchno-issledovatel'skii institut iazyka, literatury i istorii, 1977, pp. 5–13. (In Russian)
- Dumont L. *Homo Hierarchicus: The Caste System and its Implications*. Chicago, University of Chicago Press, 1980, 488 p.

- Dzhamgerchinov B. D. *Kyrgyzstan's accession to Russia*. Moscow, Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1959, 435 p. (In Russian)
- Eggen F. Social anthropology and the method of controlled comparison. *American Anthropologist*, vol. 56, 1954, pp. 743–763.
- Elfimov A. The state of the discipline in Russia: Interviews with Russian anthropologists. *American Anthropologist*, 1997, vol. 99, no. 4, pp. 775–783.
- Erdniev U. E. *Voluntary entry of the Kalmyk people into Russia: Historical roots and significance*. Elista, Kalmytskii gosudarstvennyi universitet publ., 1985, 186 p. (In Russian)
- Evans-Pritchard E. E. Social anthropology: Past and present. *Man*, 1950, vol. 50, no. 198, pp. 118–124.
- Gallinat A. Intense paradoxes of memory: researching moral questions about remembering the socialist past. *Yistory and Anthropology*, 2009, vol. 20, no. 2, pp. 183–199.
- Gerasimova K. M. *Lamaism and the national-colonial policy of tsarism in Transbaikalia in the 19th and early 20th centuries*. Ulan-Ude, Buriat-mongol'skii nauchno-issledovatel'skii institut kul'tury, 1957, 160 p. (In Russian)
- Giersch C. P. 'A Motley Throng': social change on Southwest China's early modern frontier, 1700–1880. *The Journal of Asian Studies*, vol. 60, no. 1, 2001, pp. 67–94.
- Giordano Ch. The Past in the Present: Actualized History in the Social Construction of Reality. *Critical Junctions: Anthropology and History Beyond the Cultural Turn*. Ed. by D. Kalb, H. Tak. New York, Berghahn Books, 2005, pp. 53–71.
- Girchenko V. P. A page from the history of the Christianization of the Buryat population at the end of the 19th century: based on unpublished archival materials. *Zhizn' Buriatii*, 1926, no. 1, pp. 98–107. (In Russian)
- Girchenko V. P. Khorinsky "incident" of 1848–1849 years and the Orthodox mission: a historical essay. *Zhizn' Buriatii*, 1929, vol. 1, pp. 119–124. (In Russian)
- Gingrich A., Zips W. Ethnohistorie und Historische Anthropologie. *Ethnologie. Einführung und Überblick*. Ed. by B. Baer, H. Fisher. Berlin, Reimer Verlag, 2003, 443 s.
- Gingrich A., Haas S., Paleczek G., Fillitz Th. (eds.), *Studies in Oriental Culture and History: Festschrift for Walter Dostal*. Frankfurt am Main, Peter Lang Verlag, 1993, 287 p.
- Gladney D. C. Relational alterity: Constructing Dungan (Hui), Uygur, and Kazakh identities across China, Central Asia and Turkey. *History and Anthropology*, 1996, vol. 9, no. 4, pp. 445–477.
- Göckenjan H., Zimonzi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Gayhani-Tradition (Ibn Rusta Gardizi, Hudud al-Alam, al-Bakri und al-Marwazi) *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*, bd. 54, Wiesbaden, Harrassowitz, 2001, 342 s.
- Golden P. B. War and Warfare in the Pre-Činggisid Western Steppes of Eurasia. *Warfare in Inner Asian History (500–1800)* (Handbook of Oriental Studies, Section 8, vol. 6). Ed. by N. Di Cosmo. Leiden, Brill, pp. 105–172.
- Goody J. Production and Reproduction: A Comparative Study of the Domestic Domain. *Cambridge Studies in Social Anthropology*, vol. 17, Cambridge, Cambridge University Press, 1999, 157 p.
- Graebner F. Methode der Ethnologie. *Kulturgeschichtliche Bibliothek, Reihe I; Ethnologische Bibliothek*, vol. 1, Heidelberg, Verlag Winter, 1911, 264 s.
- Hann Ch. Anthropology's Multiple Temporalities and its Future in Central and Eastern Europe: A Debate. *Max Plank Institute for Social Anthropology Working Paper*, vol. 90. Ed. by Ch. Han. Halle (Saale), Max Plank Institute for Social Anthropology, 2007, pp. 1–11.
- Hann Ch. Towards a Maximally Inclusive Concept of Eurasia. *Max Plank Institute for Social Anthropology Working Paper*, 157. Halle (Saale), Max Plank Institute for Social Anthropology, 2014.
- Hann Ch. A Concept of Eurasia. *Current Anthropology*, 2016, vol. 57, no. 1, pp. 1–27.
- Hayit B. Some reflections on the subject of annexation of Turkestani Kazakhstan by Russia. *Central Asian Survey*, 1984, vol. 3–4, pp. 61–75.
- Hechter M. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development*. New Brunswick, NJ, Transaction Publishers, 1999, 360 p.
- Hirsch E., Stewart Ch. Introduction: Ethnographies of historicity. *History and Anthropology*, 2005, vol. 16, no. 3, pp. 261–274.
- Humphrey C. Some recent developments in ethnography in the USSR. *Man*, n.s., 1984, vol. 19, pp. 310–320.
- Humphreys S. C. The historical anthropology of thought: Jan-Pierre Vernant and intellectual innovation in ancient Greece. *Focaal — European Journal of Anthropology*, 2009, vol. 55, pp. 101–112.
- Kalb D., Tak H. Introduction: Critical Junctions Recapturing Anthropology and History. *Critical Junctions: Anthropology and History Beyond the Cultural Turn*. Ed. by D. Kalb, H. Tak. New York, Oxford, Berghahn Books, 2005, pp. 1–27.

- Kalb D. The Path to the Post-Colony: Why Folklore Won't Save Us. *Max Plank Institute for Social Anthropology Working Paper*, vol. 90. Ed. by Ch. Han. Halle (Saale), Max Plank Institute for Social Anthropology, 2007, pp. 22–28.
- Khodarkovsky M. Between Europe and Asia: Russia's State Colonialism in Comparative Perspective, 1550–1900. *Canadian-American Slavic Studies*, 2018, vol. 52, no. 1, pp. 1–29.
- Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, IN, Indiana University Press, 2002, 305 p.
- Khodarkovsky M. *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771*. Ithaca, NY, Cornell University Press, 1992, 278 p.
- Koppers W. Der historische Gedanke in Ethologie und Prähistorie. *Kultur und Sprache. Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik*, vol. 9. Ed. by W. Koppers, R. Heine-Geldern, J. Haekel. Wien, Herold Verlag, 1952, ss. 11–65.
- Koppers W. Der historische Grundcharakter der Völkerkunde. *Studium Generale*, 1954, vol. 7, ss. 135–143.
- Kosmarski A. Space, power, and prestige in the academic field: A case-study of Russian scholars. *Focaal — European Journal of Anthropology*, 2009, vol. 53, pp. 89–102.
- Kozhanovsky A., Kozhanovskaya I., Perepeolkin L., Pershitz A., Stelmach V., Tertizky, K. On Tishkov's "U.S. And Russian anthropology. *Current Anthropology*, 1999, vol. 40, no. 4, pp. 525–528.
- Krader L. Recent Trends in Soviet Anthropology. *Biennial Review of Anthropology*. Ed. by B. J. Siegal. Stanford, CA, Stanford University Press, 1959, pp. 155–184.
- Kramer F. W. Vita activa: Lawrence Krader. *Dialektik: Enzyklopädische Zeitschrift für Philophie und Wissenschaften*, vol. 2. Ed. by H. J. Sandkühler. Hamburg, Meiner Verlag, 1991, ss. 145–152.
- Kroeber A. L. History and science in anthropology. *American Anthropologist*, 1935, vol. 37, pp. 539–569.
- Kudriavtsev P. Page from the history of forced baptism of Buryats. *Zhizn' Buriatii*, 1929, vol. 6, pp. 63–66. (In Russian)
- Ladwig P. Schools, Ritual Economies, and the Expanding State: the Changing Roles of Lao Buddhist Monks as 'traditional intellectuals'. *Buddhism, Modernity, and the State in Asia: Forms of Engagement*. Ed. by J. Whalen-Bridge, P. Kitiarsa. New York, Palgrave Macmillan, 2013, pp. 63–91.
- Latipov R. F. Reliable outpost of Russia: Voluntary entry of Bashkiria into the Russian state and the national idea of Russia. *Bel'skie prostory. Proza. Poeziia. Publitsistika: Ezhemesiachnyi obshchestvenno-politicheskii i literaturno-khudozhestvennyi zhurnal*, vol. 8, no. 105, pp. 109–114. (In Russian)
- Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. *American Geographical Society Research Series*, vol. 21, 2nd ed., New York, Capitol Publisher, Irvington, 1951, 542 p.
- Lepényi W. Geschichte und Anthropologie. Zur wissenschaftshistorischen Einschätzung eines aktuellen Disziplinenkontakts. *Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft*, 1975, bd. 1, pp. 325–343.
- Lopasic A. Der historische Gedanke in der Social Anthropologz. *Kölner Ethnologische Mitteilungen*, 1965, vol. 4, pp. 118–134.
- Lowie R. Ethnography, cultural and social anthropology. *American Anthropologist*, 1953, vol. 55, pp. 527–534.
- Martin, V. *Law and Custom in the Steppe. The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century*. Richmond, VA, Curzon Press, 2001, 244 p.
- Morrison A. *St. Russian Rule im Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford, Oxford University Press, 2008, 364 p.
- Müller K. E. Grundzüge des ethnologischen Historismus. *Grundfragen der Ethnologie. Beiträge zur gegenwärtigen Theorie-Diskussion*, 2nd ed. Ed. by W. Schmied-Kowarzik, J. Stagl. Berlin, Reimer Verlag, 1993, pp. 197–253.
- Nachtigall H. *Völkerkunde — Eine Einführung (Suhrkamp Taschenbuch 184)*, 2nd ed. Stuttgart, Suhrkamp Verlag, Stuttgart, 1979, 150 p.
- Nippel W. *Griechen, Barbaren und "Wilde": Alte Geschichte und Sozialanthropologie*. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 1990, 218 p.
- Parkes P. Milk kinship in Islam. Substance, structure, history. *Social Anthropology*, 2005, vol. 213, pp. 307–329.
- Perdue P. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, Harvard University Press, 2005, 725 p.
- Petri H. Gibt es eine "Historische Ethnologie"? *Kölner Ethnologische Mitteilungen*, 1965, vol. 4, ss. 181–195.
- Petri V. E. *The old faith of the Buryat people: popular science essay*. Irkutsk, Vlast' truda publ., 1928, 78 p. (In Russian)

- Ratnagar Sh. The Bronze Age: Unique instance of a pre-industrial world system? *Current Anthropology*, 2001, vol. 42, no. 3, pp. 351–379.
- Reinhard W. Die anthropologische Wende der Geschichtswissenschaft. *Anthropologische Aufbrüche: Altstamentliche und interdisziplinäre Zugänge zur historischen Anthropologie* Forschungen zur Religion und Literatur des Alten und Neuen Testaments, Bd. 232. Ed. by A. Wagner. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2009.
- Rethmann P. “Chto Delat”: Ethnography in the post-Soviet cultural context. *American Anthropologist*, 1997, vol. 99, no. 4, pp. 770–774.
- Rogers D. Historical Anthropology meets Soviet History. *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*, 2006, vol. 7, no. 3, pp. 633–649.
- Rogers D. *The Old Faith and the Russian Land: A Historical Ethnography of Ethics in the Urals*. Ithaca, NY, Cornell University Press, 2009, 338 p.
- Ro'i Y. The transformation of historiography on the “Punished Peoples”. *History & Memory*, 2009, vol. 21, no. 2, pp. 150–176.
- Sahadeo J. *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington, Indian University Press, 2007, 316 p.
- Sheffel D.Z. The Past and the Future of Anthropology in East-Central Europe: Comments on Chris Hann's Vision. *Max Plank Institute for Social Anthropology Working Paper*, vol. 90. Ed. by Ch. Han. Halle/Saale, Max Plank Institute for Social Anthropology, 2007.
- Schlee G. Historische Ethnologie. *Hanbuch der Ethnologie (Festschrift für Ulla Johansen)*. Ed by Th. Schweizer, M. Schweizer, W. Kokot. Berlin, Reimer Verlag, 1993, ss. 441–457.
- Schlee G. How enemies Are Made: Towards a Theory of Ethnic and Religious Conflicts. *Integration and Conflict Studies*, vol. 1. New York, Berghahn Books, 2008, 204 p.
- Schmidt-Glintzer H. *China. Vielvölkerreich und Einheitsstaat. Von den Anfängen bis heute*. München, C. H. Beck Verlag, 1997, 312 p.
- Schott R. Das Geschichtsbild der sowjetischen Ethnographie. *Saeculum: Jahrbuch für Universalgeschichte*, 1960, vol. 11, no. 1–2, ss. 27–63.
- Schnepel B. Die Dschungelkönige. Ethnohistorische Aspekte von Politik und Ritual in Südorissa/Indien. *Beiträge zur Südostasienforschung*, vol. 177. Stuttgart Franz Steiner Verlag, 1997, 443 s.
- Schorkowitz D. Die ethnohistorischen Archivdokumente zu den Kalmücken, Burjaten und Mongolen des Zentralstaatlichen Geschichtsarchives (CGIA) und des Institutsarchives für Ethnographie (AIÉ) in Leningrad. *Bibliographische Mitteilungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin*, vol. 25. Berlin, Harrassowitz Verlag, 1988, 277 s.
- Schorkowitz D. Die soziale und politische Organisation bei den Kalmücken (Oiraten) und Prozesse der Akkulturation vom 17. Jahrhundert bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts: Ethnohistorische Untersuchungen über die mongolischen Völkerschaften. *Europäische Hochschulschriften, Reihe XIX, Volkskunde, Ethnologie; Abt. B, Ethnologie*, vol. 28. Frankfurt am Main, Peter Lang Verlag, 1992, 674 s.
- Schorkowitz D. (ed.). *Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag*. Frankfurt am Main, Peter Lang Verlag, 1995, 516 s.
- Schorkowitz D. Staat und Nationalitäten in Rußland. Der Integrationsprozeß der Burjaten und Kalmücken, 1822–1925. *Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa*, vol. 61. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2001, 616 s.
- Schorkowitz D. The Orthodox Church, Lamaism and Shamanism among the Buriats and Kalmyks, 1825–1925. *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*. Eds R. Geraci, M. Khodarkovsky. Ithaca, NY, Cornell University Press, 2001, pp. 201–225.
- Schorkowitz D. Clio und Natio im östlichen Europa. *Historische Zeitschrift*, 2004, vol. 279, no. 1, ss. 1–33.
- Schorkowitz D. Osteuropäische Geschichte und Ethnologie. Panorama und Horizonte. *Hundert Jahre Osteuropäische Geschichte. Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft*. Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, vol. 68. Ed. by D. Dahlmann. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2005, ss. 237–256.
- Schorkowitz D. Gesellschaftliche Emanzipation und nationale Politik der Burjaten, 1825–1925. *Sibirische Völker: Transkulturelle Beziehung und Identitäten in Nordasien*. Periplus. Jahrbuch für Außereuropäische Geschichte, vol. 17. Münster, LIT Verlag, 2007, ss. 175–199.
- Schorkowitz D. Erinnerungskultur, Konfliktodynamik und Nationsbildung im nördlichen Schwarzmeergebiet. *Max Planck Institute for Social Anthropology Working Paper*, 118. Halle/Saale, Max Planck Institute for Social Anthropology, 2009.
- Schorkowitz D. Geschichte, Identität und Gewalt im Kontext postsozialistischer Nationsbildung. *Zeitschrift für Ethnologie*, 2010, vol. 135, no. 1, ss. 97–158.

- Schorkowitz D. Kalmücken (1943–1945). *Lexikon der Vertreibungen: Deportation, Zwangsumsiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts*. Eds D. Brandes, H. Sundhaussen, St. Troebst. Wien, Köln, Weimar, Böhlau Verlag, 2010, ss. 326–329.
- Schorkowitz D. The Origin of the Eastern Slavs and the Formation of Kievan Rus in the Reevaluation of post-Soviet Historiography. *Rossica antiqua*, 2010, no. 1, pp. 3–53. (In Russian)
- Schorkowitz D. Historical Anthropology in Eurasia “... and the Way Thither”. *History and Anthropology*, 2012, vol. 23, no. 1, pp. 37–62.
- Schorkowitz D. Cultural Contacts and Cultural Transmission in Western Eurasia in the Middle Ages. *Arkheologičiia, etnografiia i antropologičiia Evrazii*, 2012, vol. 51, no. 3, pp. 84–94. (In Russian)
- Schorkowitz D. Kalmyks (1943–1945). *Encyclopedia of Exiles: deportation, forced eviction and ethnic cleansing in Europe in the 20th century*. Eds D. Brandes, X. Zundkhaussen, Sh. Trebst. Moscow, ROSSPEN, 2013, pp. 212–215. (In Russian)
- Schorkowitz D. Akkulturation und Kulturtransfer in der Slavia Asiatica. *Vorträge und Forschungen 78. Frühjahrstagung 2010 des Konstanzer Arbeitskreis für Mittelalterliche Geschichte auf der Insel Reichenau, Bodensee*. Ed. by R. Härtel. Sigmaringen, Jan Thorbecke Verlag, 2014, ss. 137–163.
- Schorkowitz D. Imperial Formations and Ethnic Diversity: Institutions, Practices, and Longue Durée Illustrated by the Example of Russia. Max Planck Institute for Social Anthropology Working Paper, 165. Halle/Saale, Max Planck Institute for Social Anthropology, 2015.
- Schorkowitz D. Dealing with Nationalities in Imperial Formations: How Russian and Chinese Agencies Managed Ethnic Diversity in the 17th to 20th Centuries. *Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited*, Brill’s Inner Asian Library 35. Eds D. Schorkowitz, Chia Ning. Leiden, Boston: Brill, 2017, pp. 389–434.
- Schorkowitz D. ‘...Daß die Inorodcy niemand rettet und das Heil bei ihnen selbst liegt...’: Quellen und Beiträge zur historischen Ethnologie von Burjaten und Kalmücken, *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*, vol. 90. Wiesbaden, Harrassowitz, 2018, 743 s.
- Schorkowitz D. Was Russia a Colonial Empire? *The Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions*. Eds D. Schorkowitz, J. Chavez, I. Schröder. Palgrave Macmillan, Springer Nature Singapore, 2019 (forthcoming).
- Shlee G. *Conflict Management: Theory and Practice*. Moscow, Tasis publ., 2004, 200 p. (In Russian)
- Shnirelman V. A. A Revolt of Social Memory: The Chechens and Ingush against the Soviet Historians. Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and its Neighboring Worlds. *Slavic Eurasian Studies*, vol. 10. Ed. by O. Ieda. Sapporo, Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006, p. 283.
- Shnirelman V. A. Stigmatized by history or by historians? The peoples of Russia in school history textbooks. *History & Memory*, 2009, vol. 21, no. 2, pp. 110–149.
- Shoinbaev T. Zh. *Voluntary entry of Kazakh lands into Russia*. Alma-Ata, 1982, 279 p. (In Russian)
- Sivaramakrishnan K. Situating the Subaltern: History and Anthropology in the Subaltern Studies Project. *Reading Subaltern Studies: Critical History, Contested Meaning and the Globalization of South Asia*. Ed. by D. Ludden. London, Anthem Press, 2002, pp. 212–255.
- Skalnik P. My Preference Lies with Social Anthropology. *Max Plank Institute for Social Anthropology Working Paper*, vol. 90. Ed. by Ch. Han. Halle (Saale), Max Plank Institute for Social Anthropology, 2007, pp. 36–38.
- Skalnik P. Soviet Etnografiia and the national (ities) question. *Cahiers du ?onde Russe et Soviétique*, 1990, vol. XXXI, no. 2–3, pp. 183–191.
- Skrynnikova T. D. Major trends in the development of the Khalkha Lamaist church XVIII — early XX century. *Istochnikovovedenie i istoriografiia istorii buddizma: strany Tsentral’noi Azii*. Ed. by R. E. Pubaev. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, pp. 73–84. (In Russian)
- Takakura H. Indigenous intellectuals and suppressed Russian anthropology: Sakha ethnography from the end of the nineteenth century to the 1930s. *Current Anthropology*, 2006, vol. 47, no. 6, pp. 1009–1016.
- Tappe O. A Frontier in the Frontier: Socio-political Dynamics and Colonial Administration in the Lao-Vietnamese Borderlands. *The Asia Pacific Journal of Anthropology*, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 368–387.
- Tappe O. *Geschichte, Nationsbildung und Legitimationspolitik in Laos*. Münster, LIT Verlag, 2008, 408 s.
- Tappe O. Frontier as Civilization? Sociocultural dynamics in the Uplands of Southeast Asia. *Anthropology and Civilizational Analysis: Eurasian Explorations*. Eds J. P. Arnason, Ch. Hann. Albany, State University of New York Press, 2018, pp. 193–218.
- Testa A. A Utopia of Eurasia: the Uses and Abuses of a Concept — a counter-reply to Chris Hann. *Anthropology of East Europe Review*, 2017, vol. 35, no. 1, pp. 64–79.
- Thomas N. History and Anthropology. *Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology*. Eds A. Barnard, J. Spenser. Routledge, London, New York, 1996, pp. 272–277.

- Tillet L. *The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel Hill, NC, The University of North Carolina Press, 1969, 468 p.
- Tishkov V. On anthropology as a discipline in the Russian tradition. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2005, vol. 2, pp. 6–7. (In Russian)
- Tishkov V. A. *Russian people: history and meaning of national identity*. Moscow, Nauka Publ., 2013, 649 p. (In Russian)
- Tishkov V. The crisis in Soviet ethnography. *Current Anthropology*, 1992, vol. 33, no. 4, pp. 371–382.
- Togan A. Z. V. (ed) Ibn Fadlans Reisebericht. *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes*, bd. XXIV, nr. 3. Leipzig, Deutsche Morgenländische Gesellschaft, 1939, 336 p.
- Trepavlov V. V. Voluntary entry into Russia. Solemn anniversaries and historical reality. *Voprosy istorii*, 2007, no. 11, pp. 155–162. (In Russian)
- Tsibikov B. *On the issue of voluntary accession of Buryat-Mongolia to Russia*. Ulan-Ude, Buriat-Mongol'skoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1950, 60 p. (In Russian)
- Tsyrempilov N. *Buddhism and Empire: Buryat Buddhist Community in Russia (XVIII — beginning of XX century)*. Ulan-Ude, Institut mongolovedeniia, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniia RAN publ., 2013, pp. 288–300. (In Russian)
- Zhukovskaia N. L. From the history of religious syncretism in Transbaikalia. *Sovetskaia etnografiia*, 1965, no. 6, pp. 120–121. (In Russian)
- Zorin V. Iu. Strategy of the state national policy: traditionalism and new approaches to strengthening the unity of the multinational people of Russia (Russian nation). *X Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia: Abstracts and Reports*, Moscow, 2–5 July 2013. Ed. by M. Iu. Martynova, N. A. Lopulenko, N. A. Belova. Moscow, Institut Etnografii i Antropologii RAN press., 2013, pp. IX–XI. (In Russian)
- Xann K. The limits of constructivism in the theory of ethnicity: reflections on the “Fourth Russia” and “Second Germany”. *Anthropology of social change: a collection of articles to the 70th anniversary of Valery Aleksandrovich Tishkov*. Eds E. B. Guchinova, G. Komarova. Moscow, ROSSPEN publ., 2011, pp. 115–128. (In Russian)
- Vashkevich V. V. *Lamaites in Eastern Siberia*. St. Petersburg, Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1885, 144 p. (In Russian)
- Verdon M. The world upside down: Boas, history, evolutionism, and science. *History and Anthropology*, 2006, vol. 17, no. 3, pp. 171–187.
- Vermeulen H. *Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment*. Lincoln, University of Nebraska Press, 2015, 718 p.
- Vermeulen H. *Early history of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment: Anthropological Discourse in Europe and Asia, 1710–1808*. PhD Thesis. University of Leiden, 2008, 411 p.
- Vermeulen H. Göttingen et ‚science des peuples‘ ethnologie et ethnographie dans les Lumières allemandes (1710–1815). *Göttingen vers 1800*. Ed. by H. E. Bödeker. Paris, Editions du Cerf, 2010, pp. 247–284.
- Vermeulen H. Von der Empirie zur Theorie: Deutschsprachige Ethnographie und Ethnologie von Gerhard Friedrich Müller bis Adolf Bastian (1740–1808). *Zeitschrift für Ethnologie*, 2009, vol. 134, ss. 253–266.
- Vogel J. Historische Anthropologie. *Geschichtswissenschaften: Eine Einführung*. Ed. by Ch. Cornelißen. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 2004, ss. 295–306.
- Weinerman E. The polemics between Moscow and Central Asians on the decline of Central Asia and Tsarist Russia's role in the history of the region. *The Slavonic and East European Review*, 1993, vol. 71, no. 3, pp. 428–481.
- Wernhart K. R. & Zips W. Einführung in die theoretischen und methodologischen Grundlagen der Ethnohistorie. *Ethnohistorie: Rekonstruktion und Kulturkritik. Eine Einführung*. Eds K. R. Wernhart, W. Zips. Wien, promedia Verlag, 1998, ss. 13–40.
- Yang H. The politics of writing history in China: A comparison of official and private and private histories. *Inner Asia*, 2001, vol. 3, no. 2, pp. 127–151.
- Yule H. Preliminary Essay on the Intercourse Between China and the Western Nations Previous to the Discovery of the Cape Route. *Cathay and the Way Thither: Being a Collection of Medieval Notices of China*, vol. 1, transl. and ed. by Sir H. Yule. Munshiram Manoharlal Publ., New Delhi, 1998, 992 p. (Reprint, London, 1915).

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2018 г.

Рекомендована в печать 10 июня 2019 г.

Received: November 30, 2018

Accepted: June 10, 2019